

Павел УСПЕНСКИЙ

Филологический факультет Тартуского университета

ВАЛЕНТИН ОСИПОВИЧ СТЕНИЧ — «РУССКИЙ ДЕНДИ». К ТИПОЛОГИИ ФОРМ АВАНГАРДНОГО ПОВЕДЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Валентин Осипович Стенич (настоящая фамилия — Сметанич; 1897–1938 гг.) — примечательная фигура в литературной жизни 20–30-х годов XX в. Блестящий переводчик, открывший русскому читателю Джойса, Дос Пассоса и Фолкнера, автор либретто к *Пиковой даме* Мейерхольда, поэт, — Стенич, прежде всего, вошел в сознание современников как денди. Именно эта ипостась его личности привлекала всеобщее внимание и запомнилась мемуаристам.

Работа делится на три части: очерк биографии Стенича, теоретическое осмысление его бытового поведения и публикация некоторых текстов. Ключевой для исследования является вторая часть, тогда как первая и последняя выполняют скорее вспомогательную роль, хотя и могут читаться самостоятельно. Действительно, наше внимание сконцентрировано, прежде всего, на поведении Стенича. Даже поверхностного знакомства с некоторыми воспоминаниями о поэте и переводчике достаточно, чтобы заметить подчеркнутую семиотичность его поступков и высказываний. Однако анализ этого аспекта невозможен без знания биографии хотя бы в общем виде. Будучи фигурой хотя и яркой, но не оставившей значительного литературного наследия, Стенич остался неизученным. О нем написана только одна статья, в которой жизненная канва литератора рассматривается на фоне биографий его друзей — М. Зощенко и Ю. Олеши¹. В первой части работы мы постарались расширить представление о Стениче, отдавая себе отчет, что наше повествование о его жизни далеко от какой-либо исчерпанности темы. Тем не менее, мы полагаем, что даже в таком виде биографическая канва позволяет лучше понять, каким образом эпоха сформировала нашего героя.

В третьей части мы публикуем воспоминания о Стениче, принадлежащие перу Е. К. Лившиц, и некоторые произведения литератора (речь идет как

¹ *Вахитова Т. М.* «Русский денди» в эпоху социализма: Валентин Стенич // Русская литература. 1998. №4. В статье вводится в научный оборот ряд архивных материалов и подробно анализируются некоторые биографические сюжеты. Однако поскольку жизнь Стенича рассматривается, прежде всего, в связи с судьбами известных писателей, не все даже опубликованные сведения попали в сферу внимания исследователя.

об опубликованных, так и об архивных текстах). Мы далеки от того, чтобы воспринимать творчество Стенича как значительное достижение русской литературы XX века. Скорее его стихи интересны как свидетельство эпохи, как тексты, создающие тот контекст, в котором творили выдающиеся поэты (некоторые из них, кстати, были друзьями переводчика). Несколько отдельно стоит шуточная поэма о Первом съезде советских писателей, сочиненная в соавторстве с Ю. Олешей. Этот текст, как мы попытались показать в примечаниях, строится на обыгрывании выступлений ряда делегатов и представляет собой интерес как опыт рецепции важного события для истории официальной советской литературы.

В одном аспекте личность Стенича представляет собой несомненный интерес. Речь идет о его поведении. Как мы говорили, оно подчеркнуто семиотично. Вообще, тот факт, что поведение любого человека может быть знаковым, мало у кого вызывает сомнения. Однако далеко не всегда это носит систематический характер — чаще всего речь идет об отдельных жизненных моментах. В случае Стенича это не так. Перед нами человек, последовательно воспроизводивший определенную модель поведения. Современники воспринимали нашего героя как денди. У этого есть объяснение: Стенич тщательно следил за своим внешним видом, был элегантен, часто изыскан в речах. Тем не менее, к английскому дендизму это имеет косвенное отношение. Законодателем мод нашего героя никак не назовешь, а его устная речь устроена гораздо сложнее. Дендизм Стенича можно объяснить, с одной стороны, условиями нарастающей неустроенности и нищеты, в которых человек, позволяющий себе хорошо одеваться, уже воспринимался как необычный, с другой — провокативностью, но не его внешнего вида, а скорее высказываний и суждений. Иными словами, называя Стенича «денди» мы скорее следуем за бытовой терминологией его современников, пытаясь одним словом назвать целый комплекс необычных черт.

Поведение Стенича анализируется исключительно в культурном аспекте. Мы не предлагаем никаких психологических объяснений тем или иным чертам его личности. Иными словами, мы не пытаемся ответить на вопрос, почему система поведения нашего героя была ему необходима, почему он предпочел ее, а не «тихую», насколько это было возможно, жизнь переводчика. Несомненно, у такого выбора есть психологические предпосылки, однако они остались вне сферы нашего внимания.

Своеобразие личности Стенича проявляется при сравнении его поведения с другими типами жизненного моделирования. Здесь важно различать аспект синхронии и диахронии. Совершенно очевидно, что литератор ярко выделялся на фоне своих современников. Тем не менее, неординарность поведения — черта, присущая не только Стеничу. Для сравнения мы решили рассмотреть, насколько это позволяют источники, поведение Бенедикта Лившица, также отличающееся нестандартностью. В выделении категории

«нестандартности» мы руководствовались воспоминаниями современников. Разумеется, они не лишены субъективных предпочтений и оценок, однако их повторяемость позволяет доверять им в значительной степени. Таким образом, Б. Лившиц является своего рода первой оттеняющей фигурой, позволяющей лучше понять своеобразие Стенича.

Не в меньшей степени важен и диахронный, исторический аспект. Здесь личность нашего героя сравнивается, с одной стороны, с его предшественниками — футуристами и, соответственно, футуристическим типом поведения, с другой — с социальным и литературным поведением обэриутов, которых мы рассматриваем как завершителей авангардного жизненного моделирования.

С нашей точки зрения, мы имеем дело со своего рода непрерывной тенденцией, которая началась в 10-е годы и закончилась в 30-е годы XX века. Личность Стенича типологически является промежуточной между двумя полюсами — футуристами и обэриутами. Это доказывается на целом ряде примеров. В фокусе нашего внимания, прежде всего, находилась именно типология поведенческих форм. Однако это не отменяет возможности преемственности — ее мы анализируем в конце второго параграфа нашей работы.

При написании работы мы не придерживались какой-либо определенной методологии, для нас, прежде всего, было важно выявить, привести и объяснить достаточно ограниченное количество фактов. Но, несомненно, вторая часть исследования была бы невозможна без новаторской статьи Ю. М. Лотмана «Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория)»². Несмотря на то, что ученый развил ряд идей на совершенно другом материале, сам подход к бытовому поведению настолько концептуален, что может быть применим и к социальной и литературной жизни XX века.

§1. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Биография Стенича, несмотря на изученность в первом приближении ее общей канвы, до сих пор сплошь состоит из белых пятен. Причиной тому не только социальные катаклизмы 20–30-х годов, но и постоянные мистификации литератора, в высказываниях которого современникам подчас трудно было отличить реальность от вымысла³.

² См., напр.: Литературное наследие декабристов. Сб. под ред. В. Г. Базанова и В. Э. Вазуру. Л., 1975. С. 25–74.

³ Приведем характерный, с нашей точки зрения, пример мистификации, о котором вспоминает М. Ардов: «С ним была связана и такая легенда. Стенич утверждал, что когда-то в молодости из подражания Раскольникову он будто бы убил старуху, но не топором, а тяпкой. В это не все верили, но Стенич иногда прибегал к такой шутке. Если он видел какую-нибудь немолодую даму, которая вызывала в нем раздражение, то произносил с кровожадной интонацией: — Где моя тяпка?!» (Ардов М. Легендарная Ордынка // Новый мир. 1994. №4 [http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/4/ardov.html]).

По свидетельству писателя Дос Пассоса, Стенич родился в семье «богатого бизнесмена чешского происхождения»⁴. Его отец «до революции владел громадным магазином антиквариата, это был очень знаменитый магазин на Невском, на той стороне, где Дума, ближе к Неве» — вспоминает мемуаристка Л. Жукова⁵. В Петербурге будущий литератор учился в Реформатской школе (одной из лучших школ города), откуда его регулярно выгоняли за постоянные проделки, однако всякий раз принимали обратно — школьная программа давалась ему легко, и о неуспеваемости ученика не могло быть и речи. С детства Стенич свободно владел тремя иностранными языками — немецким, французским и английским⁶.

Период отрочества и юности Стенича нам не известен. Сведения о литераторе появляются лишь в 1917 г. Тогда он вступает в ряды ВКП(б)⁷ и, согласно воспоминаниям Дос Пассоса, принимает участие в уличных боях, удерживая баррикады «от отчаянных атак кадетов»⁸.

В это же время Стенич участвует в литературной жизни: пишет стихи, общается с поэтами. Все мемуаристы всегда отмечали его блестящее знание русской поэзии, которую он мог часами читать по памяти. В июне 1918 г. в газете «Жизнь» Блок публикует статью *Русские дэнди*, в которой рассматривает впечатливший его тип современного молодого человека. Толчком к написанию этой статьи послужил разговор со Стеничем, произошедший 31 января 1918 г. и отразившийся в дневниках старшего поэта. Тогда молодой литератор читал Блоку свои стихи и произносил обвинительные речи в адрес поэта и его поколения. «Все мы — дрянь, кость от кости, плоть от плоти буржуазии. <...> Я слишком образован, чтобы не понимать, что так дальше продолжаться не может и что буржуазия будет уничтожена. <...> Все мы наркоманы, опиисты. <...> Мы живем только стихами. <...> Нас ничего не интересует кроме стихов, ведь мы пустые, совершенно пустые. <...> Вы же ведь и виноваты в том, что мы такие. <...> Вы, современные поэты. Вы отравляли нас. Мы просили хлеба, а вы нам давали камень»⁹. Благодаря Блоку

⁴ Дос Пассос Джон. Лучшие времена. Из «Российских дневников» // Огонек. 2002. № 26. С. 30. Далее воспоминания писателя цитируется в тексте без указания страницы.

⁵ Жукова Л. Эпилоги // Искусство кино. 2005. № 7. С. 109. Далее воспоминания Жуковой цитируется в тексте без указания страницы. По словам жены Стенича Л. Д. Большинцовой, его отец был издателем (РО РНБ. Ф. 1238. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1.).

⁶ Чуковский Н. К. О том, что видел: Воспоминания. Письма. М., 2005. С. 240. Далее цитаты из этой книги (в основном мы ссылаемся на мемуарный очерк Чуковского о Стениче *Милый демон моей юности* — С. 237–273) даются в тексте без указания страницы.

⁷ Шнейдерман Э. Бенедикт Лившиц: арест, следствие, расстрел // Звезда. № 1. 1996. С. 89. (В статье опубликованы фрагменты следственного дела Стенича).

⁸ Вахитова Т. М. Указ. соч. С. 164.

⁹ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 тт. Т. 6. М.; Л., 1962. С. 55–56. Последнее предложение — перифраз знаменитого *Нищего* Лермонтова: «Куска лишь хлеба он просил, / И взор

Стенич стал известен как денди (несмотря на то, что имя литератора в статье не называлось, для многих было понятно, о ком идет речь; окончательно это стало известно в 1928 г., когда были опубликованы дневники поэта).

Самые ранние стихи литератора, те самые, которые он читал Блоку, интересны скорее как документ эпохи. Это лирика начинающего поэта, который, с одной стороны, подражает своим кумирам, с другой — что важно — уже осознает их влияние (так, например, имена поэтов вводятся в стихи) и в каком-то смысле готов от него избавиться:

...Написал письмо кому-нибудь милому и родному —
 кровавый вопль из слов сковал.
 И вдруг заволнуется ума неумный омут —
 «Это ты читал у Маяковского».

Всю тоску и любовь сплетишь в щемящем слове,
 целуя любимый, ласковый локон.
 Кто-то злой и хитрый безжалостно словит —
 «Это? ... Это взято у Блока»¹⁰.

Для стихов этого времени характерно своеобразное смешение символистских тем и формальных поисков футуризма, или, как их охарактеризовал Блок, «популярная смесь футуристических восклицаний с символическими шепотами»:

Фонари-монахи читают монотонно
 панихиду над трупом столицы.
 Из глаз луны — мертвой Мадонны —
 слезы дождя не устанут литься.

Я иду — пилигрим неустанный —
 бессонным путем Греха и Чуда...
 Скоро ли прозвенит моя Осанна?
 Где я тяжкую радость креста плечу дам? <...>

О панель — веселая Голгофа!
 Я говорю о боли *urbi et orbi*.
 Господи, Господи, эти деланные строфы
 полны неподдельной скорби.

Думается, что слова Блока о молодом поэте в статье *Русские дэнди* точны: «В нем не было ничего поддельного и кривляющегося, несмотря на то,

---

являл живую муку, / И кто-то камень положил / В его протянутую руку». И фраза Блока, и стихи Лермонтова, в свою очередь, восходят к Евангелию: «Какой из вас отец, когда сын попросит у него хлеба, подаст ему камень?» (Лк. 11: 11). Ср. запись слов Стенича в дневнике Блока (запись от 31 января 1918 г.): *Блок А. А.* Указ. соч. М.-Л., 1962. Т. 7. С. 323–324.

¹⁰ В. Стенич: стихи «русского дэнди» / Публ., вступ. ст. Л. Ф. Кациса // Литературное обозрение. 1996. № 5/6. С. 67.

что все слова стихов, которые он произносил, были поддельные и кривляющиеся».

В 1918–1920 гг. Стенич, по-видимому, находился на Украине; в 1919 г. он, согласно сведениям Дос Пассоса, участвовал в боевых действиях и командовал дивизионом. В эти же годы он появляется в киевском кафе ХЛАМ (художники, литераторы, артисты, музыканты). В знаменитом кафе Стенич познакомился с рядом литераторов, в том числе с Эренбургом и Лившицем; дружба с последним продолжится через несколько лет уже в Петербурге. С. Юткевич, бывавший в то же время в ХЛАМе, вспоминал о нем как о человеке, «одетом с ног до головы в черную кожу и с деревянной кобурой огромного маузера на поясе; про него осторожно шептали: “Поэт-комиссар” <...> Стихов своих он не читал... Маска “комиссара”, в которую он тогдарядился, была просто очередной мистификацией Стенича, он был их большой любитель»¹¹. По другим свидетельствам, в ХЛАМе он все же читал стихи¹².

Т. М. Вахитова справедливо замечает, что сопоставление образа Стенича и его стихов позволяет усомниться в том, что увлечение революцией было мистификацией¹³. Действительно, сохранившиеся стихи киевских лет говорят об обратном:

Наркомвоен отрывисто чеканит
Главе правительства сухой вопрос.
И у широко окна очками
Поблескивает строгий Наркомпрос. <...>

О, эти люди, твердые как камень,
Зажженные сигнальные огни!
Их будут чтить веками и веками,
И говорить о них страницы книг¹⁴.

Впрочем, другое стихотворение 1918 г., посвященное Ленину (см. ниже, §III), уже далеко не столь однозначно и требует специального анализа. Поэтому думается, что не стоит абсолютизировать советские настроения Стенича, хотя мы вправе говорить о сильном увлечении. По словам Н. Я. Мандельштам, в «Хламе» наш герой «читал острые стихи, <...> в которых звучала не заказная, а подлинная современность»¹⁵.

Отметим, что приведенные строфы отличаются от ранних стихов — в них больше мастерства. Действительно, в это время (а прошло всего год-полтора

¹¹ Юткевич С. «Шумит, не умолкая, память...»//Встречи с прошлым. М., 1982. Вып. 4. С. 19.

¹² Тименчик Р. Д. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Toronto, 2005. С. 405.

¹³ Вахитова Т. М. Указ. соч. С. 165–166.

¹⁴ СОПО. Первый сборник стихов РСФСР. Четвертый год первого века. [М., 1921]. С. 24. СОПО — Союз Поэтов.

¹⁵ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1999. С. 374. Далее цитаты из этой книги приводятся в тексте без указания страницы.

от первых известных нам опытов) Стенич отказывается от своей ранней поэтики. Вот свидетельство Эренбурга: «Он читал вперемежку стихи Блока, Маяковского, Хлебникова, свои собственные; печально зубоскалил; почему-то мне запомнилась его шутовская пародия на Анненского:

Бывают такие миги,
 Когда не жаль и малых овец.
 Об этом писала в поваренной книге
 Елена Молоховец»¹⁶.

Обратим внимание, что эти строки — пародийное продолжение стихотворения *Символы, фразы, рифмы, сплетенья строк...*, две строфы из которого с упоминанием имен Блока и Маяковского мы цитировали выше. Пока «серьезная» поэзия сочетается у Стенича с самопародией, однако замеченное Эренбургом «зубоскальство» позже приведет литератора к отказу от высокой лирики.

В 1920 г. Стенича перевели в Москву и назначили комиссаром школы военной маскировки. Школа располагалась под Москвой, и каждую ночь Стенич уезжал в кафе литераторов «Стойло Пегаса», в котором познакомился со многими писателями и поэтами, поражая всех сочетанием военной формы, знанием наизусть почти всей русской поэзии и, по формулировке Н. Чуковского, «нигилистическим дэндизмом».

Весной 1920 г. Стенича арестовали и приговорили к расстрелу¹⁷. Причиной ареста послужили то ли обвинения в предумышленном развале школы маскировки и в сношениях с врагами революции (как полагал Н. Чуковский), то ли в подготовке вооруженного ограбления (как значится в допросе). Так или иначе, Стенич провел 8 месяцев в тюрьме. Дело в итоге было пересмотрено, литератора оправдали и выпустили, но не восстановили в партии.

До 1924 г. обстоятельства жизни Стенича вновь неизвестны. Н. К. Чуковский писал, что он, меняя профессии, слонялся по городам, какое-то время жил в Баку... Жил он некоторое время и в Москве, что примечательно — в квартире Утесова, с которым успел познакомиться к началу 20-х годов. Вот отрывок из письма Утесова жене (весна 1922 г.): «С вокзала в Москве вызвали автомобиль и поехали домой. Но что я застал дома, ты не можешь себе представить. Здесь ночевал Стенич и с ним еще люди. Они буквально перевернули все вверх дном. Порвали книги. Разлили чернила на скатерть, и, на-

¹⁶ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Воспоминания: В 3 тт. М., 1990. Т. 1. С. 248.

¹⁷ Т. М. Вахитова (Указ. соч. С. 166) вслед за Н. К. Чуковским (Указ. соч. С. 241) называет дату «1921 г.», однако согласно допросу Стенича, он был членом партии до 1920 г. (Шнейдерман Э. Указ. соч. С. 89). Известно, что именно арест послужил причиной — после нескольких месяцев разбирательств — исключения из партии, поэтому датировку необходимо сместить на год. Это подтверждается записями художника В. Н. Чекрыгина от марта–мая 1920 г.: «Левин рассказывал мне об аресте Стенича...» (Мурина Е., Ракитин В. Василий Николаевич Чекрыгин. М., 2005. С. 160).

конец, не стало пижамы, которую подарила Соня (шелковая). Это все меня страшно возмутило. Они приходили в 4 часа ночи и будили весь дом»¹⁸. Прокомментировать описанное мы не можем, как не можем и привести какие-либо дополнительные подробности о периоде скитаний Стенича. Во всяком случае, именно в 1924 г. он вернулся в Ленинград. Вероятно, тогда же он внутренне отказался от какого-либо участия в политической жизни и решил посвятить себя литературе. До этого времени Стенич активно совмещал и то, и другое.

Подобное совмещение ролей, как и последующий отказ от политики, вызывает ассоциации с биографией Виктора Шкловского, который, будучи боевиком партии эсеров, занимался литературой и литературоведением и который впоследствии, после ряда поистине остросюжетных перипетий своей биографии, оставил политику, «сдавшись» советским властям. Конечно, сходство это — типологическое, однако оно формирует координаты биографии нашего героя.

Интересно в этой связи отношение Стенича к Шкловскому. По словам Ахматовой, «мы принимали его <Шкловского — П.У.> трескотню за остроумие, блеск и воображение. <...> Наше поколение переоценило Шкловского. Большинство переоценило. Однако были исключения — например, Стенич»¹⁹. Скептическое отношение к Шкловскому, как кажется, может объясняться дальнейшей биографией литературоведа²⁰. Напомним, что Шкловский отрекся не только от своей политической деятельности, но и опубликовал 27 января 1930 г. в «Литературной газете» статью *Памятник научной ошибке*, которая стала восприниматься как капитуляция и отказ от прежних литературоведческих установок²¹. В последующей жизни Шкловского будет много событий, диссонирующих с его ранней биографией (писательская поездка на Беломорканал, конформистское выступление на Первом съезде

¹⁸ Гейзер М. Леонид Утесов. М., 2008. С. 130.

¹⁹ «Известия». 2002. 22 июня. Цит. по: Тименчик Р. Д. *Указ. соч.* С. 56.

²⁰ Конечно, это не исключает и не любви к его работам. Об этом, к сожалению, нам ничего не известно. У Ахматовой скептическое отношение к Шкловскому вызвано именно его теоретическими построениями. «Как Ахматова презирала Шкловского! Это перешло к ней по наследству от Блока, который относился к нему с брезгливостью, как к прокаженному. “Шкловский, — говорил он, — принадлежит к тому бесчисленному разряду критиков, которые, ничего не понимая в произведениях искусства, не умея отличить хорошего от плохого, предпочитают создавать об искусстве теории <...> ценят то или иное произведение не за его художественные качества, а за то, что оно подходит (или не подходит) к заранее придуманной схеме”» — свидетельствует К. Чуковский (Чуковский К. *Дневник. 1930–1969.* М., 1995. С. 406).

²¹ Подробнее об этом письме и о возможных причинах его написания в: *Галушкин А.* «И так, ставши на костях, будем трубить сбор...». К истории несостоявшегося возрождения Опояза в 1928–1930 гг. // НЛО. 2000. № 44. Эл. вариант: [<http://magazines.russ.ru/nlo/2000/44/galush.html>].

советских писателей). Для Стенича подобный вариант жизнестроительства был недопустим. Он, также отказавшийся от участия в становлении новых порядков, не только всегда держался независимо, но и часто вел себя провокативно. Думается, что именно конформизм Шкловского вызвал скептическое отношение нашего героя.

Стенича можно сравнить и с другим литератором, Н. М. Олейниковым, который принимал участие в Гражданской войне, а в 1920 г. вступил в партию большевиков²². По-видимому, ко времени переселения поэта в Ленинград в 1925 г. революционные иллюзии уже были забыты, хотя из партии Олейников по понятным причинам не вышел²³. Однако дальнейшая деятельность поэта и детского писателя так же была неприемлема для Стенича. Действительно, Олейников, с одной стороны, писал весьма идеологизированную детскую прозу, с другой — сочинял странные, до сих пор не поддающиеся объяснению и классификации стихи, функционировавшие в домашнем обиходе²⁴. Наконец, для Олейникова был характерен определенный тип литературного поведения, который отличался от поведения Стенича (см. § II данной работы).

Итак, в 1924 г. Стенич вернулся в Ленинград. Некоторое время он работал редактором в кооперативном издательстве «Мысль», где и познакомился с Николаем Чуковским. Приятельство быстро переросло в тесную дружбу. Через некоторое время литератор покинул «Мысль» и стал работать для нескольких издательств; регулярно он бывал в Госиздате, находившемся тогда в знаменитом доме Зингера.

По версии Н. Чуковского (разделявшей Н. Я. Мандельштам и Е. К. Лившиц), к середине 20-х годов Стенич перестал писать стихи, считая, что они слишком слабы. Однако к этому свидетельству надо отнестись осторожно. Вспоминая о своем приезде в Ленинград, Дос Пассос писал о Стениче: «Друзья шепнули мне на ухо, что он первоклассный поэт». Известно также, что в издательстве «Узел» (1925–1928 гг.), выпускавшем одну из самых ярких поэтических серий того времени (сборники С. Парнок, Б. Лившица, Б. Пастернака, М. Зенкевича и др.), планировалось издание стихов Стенича²⁵. Наконец, сохранились некоторые «поздние» стихи литератора. Во-первых, это

²² Олейников Н. Пучина страстей / Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург и А. Н. Олейникова. Л., 1990. С. 5, 30.

²³ Полякова С. В. Олейников и об Олейникове и другие работы по русской литературе. СПб., 1997. С. 13.

²⁴ Странность поэзии Олейникова, действительно, до сих пор не объяснена. О несформированности единого подхода свидетельствуют две классические статьи, в которых авторы приходят чуть ли не к противоположным выводам. Во всяком случае, их подходы, по сути, полярны. См.: Полякова С. В. Указ. соч. Ср.: Гинзбург Л. Николай Олейников // Олейников Н. Указ. соч. С. 5–25.

²⁵ Громова Н. А. Хроника поэтического издательства «Узел». 1925–1928. М., 2005. С. 98.

шуточная поэма о съезде писателей, написанная в соавторстве с Ю. Олешей (см. ниже, § III). Во-вторых, мы знаем еще об одном тексте, от которого сохранилось как минимум четверостишие. Роман Гуль со слов Федина вспоминал о том, как группа ленинградских писателей была приглашена в Кремль к О. Д. Каменевой, сестре Л. Троцкого. На вечере были высокопоставленные политики — Каменев и Радек. «И кто-то поддразнил Стенича, вот ты, говорят, смелый, а ведь не прочтешь здесь свои стихи о Совнаркоме... Стенич вскинулся и говорит: “Конечно, прочту!” — “Ой ли?” — И Стенич взял и прочел свою невероятную “контру”, где была такая строфа:

Дождусь ли я счастливейшего года,
 Когда падет жидовский сей Содом.
 Увижу ль я Бутырках наркомпрода
 И на фонариках российский Совнарком?»²⁶.

Это четверостишие примечательно не только по смелости (в сочетании с ситуацией его озвучивания поведение Стенича вызывает ассоциации с поведением Мандельштама, читавшего слишком многим свою эпиграмму на Сталина), но и в другом аспекте, т. к. представляет собой пародийную цитату из более раннего, частично приведенного выше стихотворения Стенича, опубликованного в сборнике *СОПО*, в котором, наоборот, воспеваются новые власти:

И летописец пламенной свободы
 Восстановит восторженным пером
 Закуривающего Наркомпрода
 И на столе у Наркомзема бром.

Нетрудно заметить, что в цитатах используется одна и та же рифмовка, более того, в обоих случаях в рифменную пару вынесено слово «наркомпрода». Если наше наблюдение верно, то мы можем констатировать не только изменение в мировоззрении, но и то, что Стенич, скорее всего, по тем или иным причинам отказался от «серьезной» лирики (что согласуется с мнением Н. Чуковского) и писал, в основном, сатирические и шуточные стихи.

Отказавшись от высокой поэзии, Стенич в итоге посвятил себя переводам. Сделанное литератором с середины 20-х годов весьма внушительно: Р. Киплинг. *Отважные мореплаватели* (М.-Л., 1930); Г. Честертон. *Клуб изобретательных людей* (Л., 1924), *Жив — Человек* (М.-Л., 1924), *Наполеон из пригорода* (Л., 1925), *Неверие Питера Брауна* (Л., 1927) и др.; Ф. Верфель. *Не убийца, а убитый виновен* (Л., 1924); Ж. Дюамель. *Игры и утехы* (Л., 1925); У. Локк. *Мордиус и К^о* (Л., 1924; Л., 1925); Дос Пассос. *42-я параллель* (Л.-М., 1931; Л., 1936), *1919* (Л., 1933; Л., 1936), *Манхэттэн* (Л., 1930; Л., 1931), *Бен Комpton* (Л., 1932), *Вершины счастья* (Л., 1934); Дж. Джойс. Фрагменты из романа *Улисс — Похороны Патрика Дагнэма* (Звезда. 1934.

²⁶ Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции. М., 2001. Т. 1. С. 308.

№ 11); *Утро мистера Блума* (Литературный современник. 1935. № 5); Э. Толлер. *Гасить котлы!* (М., 1935); У. Фолкнер. *Писатель у себя дома* (рассказ *Тридцать дней*) (Литературный современник. 1935. № 10); Дж. Свифт. *Путешествие в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера...* (М., 1935); Б. Брехт. *Чихи и чухи* (М., 1936), *Трехгрошевый роман* (М., 1937) и др.²⁷

Разумеется, переводческая деятельность не отменяла дружбы Стенича с самыми разными литераторами. По словам Л. Жуковой, «в питерских интеллигентских кругах его, действительно, знали все. Он был популярен и в Москве — и как блестящий переводчик, и как оригинал и эксцентрик, единственный в своем роде». «Он слыл законодателем мод, но прежде всего считался общепризнанным эталоном художественных оценок. Его суждения о литературе были непререкаемы» — вероятно, несколько преувеличивая, писал другой мемуарист²⁸.

Стенич знал всех. Но с кем конкретно он дружил? Помимо Николая Чуковского²⁹, Сергея Юткевича и Бенедикта Лившица, нельзя не назвать еще двух писателей: Михаила Зощенко и Юрия Олешу. С первым Стенич познакомился в 1927 г., со вторым — год спустя. По свидетельству Н. Чуковского, у Стенича «было много друзей, даже, может быть, слишком много, <...> но никого на свете не любил он так сильно, преданно и благоговейно, как Михаила Михайловича Зощенко».

В 1928 г. в Ленинград приезжает Джон Дос Пассос, которого Стенич не только водил по городу, но и привез на дачу к Корнею Чуковскому. «Стенич <...> был <...> авангардистом. <...> Он <...> перевел мой роман и горел желанием узнать последние новости о Джойсе и Элиоте». Обратим внимание на совершенно не тривиальный для того времени набор интересующих литератора имен (так же не тривиален и список сделанных им переводов). Если к нему добавить эпатажное поведение и свободную манеру вести разговоры, то неудивительно, что неприятности так или иначе преследовали нашего героя.

²⁷ По свидетельству Л. Жуковой, от Стенича многие впервые услышали имя Хемингуэя. Возможно, литератор планировал перевести какое-нибудь произведение писателя.

²⁸ Левин Л. Вряд ли Мейерхольд жалел об этом // Звезда. 1998. № 3. С. 221. Далее воспоминания Левина цитируются в тексте без указания страницы.

²⁹ С Николаем Чуковским Стенич общался почти каждый день. С отцом своего друга, К. И. Чуковским, он также был знаком; см. записи в дневнике Чуковского от 5.6.1933 г., когда он с компанией писателей, среди которых был Стенич, пошел в ресторан, и от 12.1.1934 г., когда Стенич с женой пришли к автору дневника в гости (*Чуковский К. Дневник. 1930–1969. С. 78, 92*). Отметим попутно ошибку в дневнике писателя. В записи от 26.9.1938 г., сделанной в Кисловодске, Чуковский пишет о приезде в санаторий Утесова, который веселил отдыхающих рассказывая анекдоты. «Мы хохотали до изнеможения, — а потом провожали его (был еще Стенич), и он рассказывал по дороге еще более смешное» (Там же. С. 154). Этот же эпизод попал в биографию Утесова (*Гейзер М. Указ. соч. С. 272*). Между тем, этого не могло быть, т. к. Стенич был арестован в ноябре 1937 г.

Весной 1930 г. Стенич был выслан из Ленинграда в Архангельск. Причины и сроки высылки остаются до сих пор неизвестными. Вновь Стенич был арестован 19 марта 1931 г., что вызвало беспокойство Зоценко. Вместе с писателем Львом Никулиным он пытался хлопотать за своего приятеля. В тюрьме литератор просидел 2 или 3 месяца³⁰. Можно предположить, что эти аресты напрямую связаны с тем вечером у Каменево́й, на котором Стенич так неожиданно выступил со своими антисоветскими стихами. Здесь вновь вспоминается Мандельштам, который несколькими годами позже поплатился Воронежской ссылкой за свои стихотворения о Сталине, советской квартире и голоде в Крыму. С другой стороны, Стенич позволял себе самые смелые высказывания не только в Кремле. Федин вспоминал: «Один раз <...> идем мы компанией из Госиздата. Остановились на Невском у книжного магазина, среди книг выставлен бюст Сталина. И вдруг, схватившись за голову, Стенич кричит: “И этот идиот с узким лбом правит нами! Правит всей Россией!”»³¹.

Несмотря на «предупреждения властей», после арестов литератор не изменил своей эксцентричной манеры поведения. Более того, он часто говорил, что думал, не боялся едких выражений в адрес власти и даже политических анекдотов.

Возможно, в борьбе со Стеничем был распространен слух о его сотрудничестве с органами. К. Чуковский со слов Л. Н. Радищева фиксирует в дневнике следующий эпизод: «Зоценко не подал руки Стеничу, когда Стенич был на короткое вр[емя] выпущен из тюрьмы. Зоценко стоял с Радищевым и другими литераторами, когда подошел Стенич. Поздоровавшись со всеми, он протянул руку Зоценке. Тот спрятал руку за спину и сказал: — Валя, все говорят, что вы провокатор, а провокаторам руки не подают»³². Впрочем, отношения друзей вскоре вернулись в привычную колею, и этот эпизод был забыт.

В 1934 г. состоялся Первый съезд советских писателей. Среди многих других литераторов в нем принимали участие Олеша и Стенич. Первый произнес речь на одном из заседаний, второй выступил в качестве переводчика. Некоторое время спустя друзья напечатали в «Литературном Ленинграде» шуточную поэму *Москва в те дни была Элладой*, в которой весьма иронично, а подчас даже жестко писали о своих коллегах-писателях.

В том же году Стенич стал сотрудничать с В. Э. Мейерхольдом и по заказу режиссера переделывал либретто *Пиковой дамы*. По воспоминанию Н. Чуковского, он стремился приблизить свое либретто к пушкинской повести, передать не только ее сюжет, но и ее тон, колорит, ее близость к декабризму,

³⁰ Вахитова Т. М. Указ. соч. С. 169–172.

³¹ Гуль Р. Указ. соч. С. 308. Все рассказы Федина, запомнившиеся Р. Гулю, могут быть датированы 1927/1928–1932 гг.: датами первого и, соответственно, последнего посещения Берлина советским писателем (Там же. С. 290, 315).

³² Чуковский К. Указ. соч. С. 443 (запись от 24 мая 1968 г); Вахитова Т. М. Указ. соч. С. 172.

к петербургским повестям Гоголя. Для пения предлагал он не вирши Модеста Чайковского и не стихи восемнадцатого века, а стихи поэтов пушкинской поры и прежде всего самого Пушкина». Премьера состоялась 25 января 1935 г. и имела успех³³.

В 1936 г. в СССР эмигрировал немецкий актер, режиссер и певец Эрнст Буш, получивший известность благодаря популярной в Европе пьесе Брехта «Трёхгрошовая опера», в которой он исполнял одну из ролей. Буш был членом коммунистической партии Германии, поэтому с приходом к власти нацистов вынужден был бежать из страны. Из Советского союза Буш в 1937 г. уехал в Испанию, где принял участие в гражданской войне. Не будем подробнее останавливаться на его биографии. Важнее другое: Стеничу понравились песни Буша, он, по устным воспоминаниям Н. Н. Чуковской³⁴, познакомился с певцом, достал его тексты. 5 ноября 1936 г. в ленинградском Доме писателя состоялся интернациональный вечер, посвященный 19 годовщине революции. Центром вечера был Э. Буш, певший идеологизированные антифашистские и просоциалистические песни. Небезынтересно, что председателем мероприятия был Валентин Стенич³⁵.

Насколько увлечение песнями Буша было конформистским? Думается, что не в значительной степени. Учитывая манеру поведения нашего героя, его представления о происходящем в стране, трудно представить, что Стенич имитировал увлечение антифашистскими текстами с расчетом, что это как-то смягчит отношение к нему со стороны властей. Приведем воспоминание Н. Н. Чуковской: ее мать, М. Н. Чуковская, и литератор с упоением разучивали песни Буша по плохим переводам (в том числе, и знаменитую «Песню единого фронта» с припевом: «Ты войдешь в наш единый рабочий фронт, / Потому что рабочий ты сам»). Кажется, это свидетельство отражает вполне искреннее увлечение Стенича, которому, возможно, подобные песни могли напоминать его революционную юность.

Н. Н. Чуковская вспоминает также, что Стенич в 30-е годы — «модный, весь пропитанный джазом, умевший танцевать танго и фокстрот» — дружил с Утесовым. По-видимому, неприятный эпизод начала двадцатых годов был забыт. «Песня американского безработного», которую Утесов официально исполнял уже после войны, была переведена Стеничем с английского в начале 1930-х гг.³⁶ Вероятно, и тут можно говорить о вполне искреннем увлечении:

³³ Подробнее о постановке Мейерхольда см.: *Мейерхольд В. Э.* «Пиковая дама»: Замысел, воплощение, судьба: Документы и материалы / Сост., вступ. статья и коммент. В. Г. Копытовой. СПб., 1994.

³⁴ Телефонные разговоры от 21 и 29 ноября 2009 г. с автором этих строк.

³⁵ *Дымшиц А.* Звенья памяти // Знамя. 1966. № 3. С. 215–216.

³⁶ Изначально песня «They used to tell me I was building a dream...» входила в мюзикл «Американка» (1931 г.), она быстро стала популярной из-за исполнения по радио. См.: <http://kot-ik.livejournal.com/358615.html>.

вместе с хорошо музицировавшей М. Н. Чуковской литератор любил «бренчать» самые разные одесские песни, в том числе и *С одесского кичмана*...

В том же 1936 г. Стенич познакомился с другим иностранным писателем — Андре Жидом, приехавшим осенью в СССР. Л. Жукова вспоминает: «Он тут же окрестил его Андрюшкой Жидом, успел встретиться с ним пару раз и рассказать кое-что, в частности о “любянке”, привлекавшей особое внимание писателя».

Стенич не только дружил с самыми разными литераторами, но и обращал внимание на молодых, начинающих писателей. Так, он, по свидетельству Н. Чуковского, высоко ценил стихи Бориса Корнилова и Александра Прокофьева. Литератора слушали с недоверием, «но недоверие только подстегивало его энтузиазм. Переходя из дома в дом, из редакции в редакцию, влюбленно читал он “Улицу Красных зорь” Прокофьева — всю книгу наизусть. <...> Не меньше восхищался он и Корниловым и признавал первенство то одного, то другого».

Заметил Стенич и Юрия Германа. «Герман же обладал редкой способностью безудержно увлекаться людьми. В середине тридцатых годов одним из его очередных увлечений стал Стенич» — вспоминает Л. Левин. По его же свидетельству, в образе журналиста Ханина, персонажа повести *Латишин*, узнаются некоторые черты Стенича. «Ханин говорит про себя, что он живет «грязно, но интересно». <...> Раненый Ханин говорит: «Старик развалился на части. А какой был достойный, почтенный старик». Люди, знавшие Стенича, сразу вспомнят, что именно он так разговаривал. Это его интонация». Действительно, литератор любил повторять, например, свою шутку о семье Н. Чуковского: «Чуковские живут грязно, но интересно». Впоследствии Стенич попал и на экран. А. Герман в нескольких интервью упоминал, что прототипом Ханина (играет А. Миронов) в фильме *Мой друг Иван Лапшин* был именно наш герой.

Последние годы жизни Стенича протекали в ожидании ареста. Вспоминает Н. Чуковский: «Тогда он уже догадывался, что его арестуют. Он ни в чем не был виноват, но одного за другим арестовали его друзей. <...> Он переводил, дела его шли отлично, но от ужаса избавиться он не мог. В это время начался у него роман с одной замужней женщиной. Она тоже ждала ареста. <...> Вот это и был самый неистовый, самый бешеный из всех его романов. <...> — Я благодарен ей, — говорил он мне, — Я заслоняюсь ею от страха».

По свидетельству того же Н. Чуковского, за неделю до ареста дома у нашего героя состоялся вечер, где были Осип Мандельштам, Надежда Мандельштам, Анна Ахматова, Стенич, его жена и сам Чуковский. На вечере Мандельштам читал свои стихи.

Об отношении к Мандельштаму надо сказать особо. Приведем фразу Е. М. Тагер: «Люди большой литературной культуры (Стенич) говорили о Мандельштаме, не боясь слова “гениальность”; называли Осипа Эмильевича

ча в ряду лучших русских поэтов»³⁷ (восхищение поэтом, впрочем, не отменяло характерной иронии. Как-то Мандельштам вставил себе новые зубы на золотых штифтах, «но вставленные зубы скоро выпали, а штифты остались и покривились. — У него во рту индустриальный пейзаж», — острил по этому поводу Стенич, согласно воспоминаниям Н. Чуковского).

Неудивительно, поэтому, что вернувшись из воронежской ссылки, Мандельштамы пришли, в том числе, и к Стеничу собирать деньги на дальнейшую жизнь, а он, по воспоминаниям жены поэта, «встретил О. М. с объятиями». Собирать средства взялась жена нашего героя — Л. Большинцова, а Мандельштамы весь день провели в разговорах с литератором (впрочем, в беседах участвовали и приходившие повидать поэта Ахматова и Цезарь Вольпе).

Вероятно, вечером этого же дня состоялось и упомянутое выше чтение стихов. Как вспоминает Н. Я. Мандельштам, прощаясь с гостями на лестничной площадке, Стенич, «указывая на одну дверь за другой, рассказал, когда и при каких обстоятельствах забрали хозяина. На двух этажах он остался едва ли не единственным на воле, если это можно назвать волей. “Теперь мой черед” — сказал он».

14 ноября 1937 г. Стенич был арестован. Согласно Л. Левину (допускающему, что это может быть легендой), когда литератора уводили из дома, он сказал своей жене: «Неплохой подарок получают от меня завтра утром братья Васильевы...» (дело в том, что в одном из эпизодов фильма *Волочаевские дни* «в роли некоего вредного иностранца будто бы снялся Стенич»).

Чувство юмора не оставляло нашего героя даже в такие моменты жизни. Несмотря на то, что подобные эпизоды биографии не предполагают литературоведческого анализа, обратим внимание, что прощальные слова Стенича типологически сходны со словами Н. Олейникова, сказанными в подобной ситуации. «Я вышел рано утром и встретил Николая на Итальянской. Он шел спокойный, в сопровождении двух мужчин. Я спросил его: Как дела, Коля? Он сказал: Жизнь, Тоня, прекрасна! И тут только я понял»³⁸.

Как замечает исследователь, «сопоставление с эпизодом из рассказа в картинках “Макар Свирепый в Африке” обнаруживает подтекст выделенной фразы: подобно тому, как Макар за полчаса перелетел из Африки в Ленинград, сам Олейников примерно за это же время совершил переход от обычной жизни к жизни арестанта. В этом контексте слова “жизнь прекрасна” звучат как напутствие оставляемым друзьям (ср.: “Макар попрощался с друзьями”). Главное же заключается в том, что обнаруживаемые в подтексте слова авто-

³⁷ Тагер Е. М. Из воспоминаний / Публикация М. Н. Тагер и Б. Г. Венуса // Наше наследие. 1988. № 6. С. 104.

³⁸ Воспоминания А. И. Шварца. Цит. по: Риникер И. С. «И я был облит серной кислотой»: к вопросу о творческом поведении Николая Олейникова // Вестник молодых ученых. Гуманитарные науки. М., 1999. № 1. С. 79.

ра, оформляющие прямую речь (“сказал великий писатель”), подводят итог творческому поведению Олейникова»³⁹. Добавим, что в сочетании с подтекстом слова Олейникова обнаруживают и иронию («Жизнь, Тоня, прекрасна!» — «сказал великий писатель», когда его вели в Большой дом).

Итак, и Стенич, и Олейников не изменяют своей манеры поведения даже в момент ареста. Важно при этом понимать, что описываемые ситуации могут быть плодом вымысла, но вымысла чрезвычайно характерного, соответствующего стилю поведения этих людей. В случае со Стеничем в этом признается сам мемуарист, услышавший историю с чьих-то слов, в случае же с Олейниковым существует другой вариант описываемой сцены⁴⁰.

Необходимо остановиться на сведениях о поведении Стенича в тюрьме. Сохранилось нелюбимое свидетельство Н. Заболоцкого, записанное с чужих слов. «Эстет, сноб и гурман в обычной жизни, он, по рассказам заключенных, быстро нашел со следователем общий язык и за пачку папирос подписывал любые показания»⁴¹. Однако есть и другое свидетельство, которому мы можем доверять: «Е. М. Тагер рассказывала Л. Д. Большинцовой, что столкнулась с денди Стеничем без шнурков на ботинках в тюрьме по дороге на допрос. Он шепнул: “Лена, все кончено. Пишу все на себя”»⁴².

В ночь на 21 сентября 1938 г. Стенич был расстрелян вместе с Б. Лившицем, Ю. Юркуном и В. Зоргенфреем⁴³. О смерти литератора никто не знал, именно этим объясняются хлопоты по его освобождению Зоценко и творческой интеллигенции в 1940 г.⁴⁴

§II. «ДЕНДИЗМ»

Такова биография Стенича, или, правильнее было бы сказать — таковы некоторые из ее эпизодов. Как мы видим, очень многие факты до сих пор остаются неизвестными, а без них трудно выстроить внутреннюю эволюцию человека. Очевидны лишь несколько положений: литератор проделал путь от увлечения революцией к неприятию социальной действительности 20–30-х

³⁹ Ринкер И. С. Указ. соч. С. 79.

⁴⁰ «Ираклий Андроников <...> приехал по делам из Москвы и рано вышел из дому. Смотрит, идет Олейников. Он крикнул: “Коля, куда так рано?” И только тут заметил, что Олейников не один, что по бокам его два типа... <...> Николай Макарович оглянулся. Ухмыльнулся. И все!» (Жукова Л. Справка с печатью // Новое русское слово. 1981. 8 ноября. Цит. по: Олейников А. Н. Поэт и его время // Олейников Н. Указ. соч. С. 47).

⁴¹ Цит. по: Вахитова Т. М. Указ. соч. С. 183.

⁴² Тименчик Р. Д. Указ. соч. С. 390, примеч. 10. См. также протоколы допроса Стенича: Шнейдерман Э. Указ. соч. С. 91–92.

⁴³ Шнейдерман Э. Указ. соч. С. 89, 119.

⁴⁴ Вахитова Т. М. Указ. соч. С. 183–184.

годов; в восприятии современников доминанта личности нашего героя — литературное и бытовое поведение.

Однако и эти утверждения неизбежно вызывают ряд вопросов. Допустим, Стенич действительно скептически относился к происходящему в стране. Как, в таком случае, объяснить его увлечение Прокофьевым, Корниловым, Германом? Или историю, рассказанную Н. Чуковским? Вдруг Стенич сошелся с рапповцем М. Чумардиным, отрицавшим не только классическую литературу, но и называвшим Маяковского мелкобуржуазным поэтом, а Федина и Серапионовых братьев — правыми попутчиками. Литератор увлек его классической литературой, под его влиянием Чумардин влюбился в Зощенку. «Стенич дружил с ним до конца своих дней, постоянно с ним спорил, но в основном, самом главном, всегда оказывался с ним согласен. Это главное заключалось в их общей ненависти к мешанству, в общей любви к нашей революции и в вере в ее правоту». Даже если объяснять последнюю фразу мемуариста как дань времени, факт дружбы двух совершенно несходных литераторов остается.

В случае с песнями Буша, как мы предположили, речь идет не о конформизме, а об искреннем увлечении. Вероятно, также надо трактовать и вышеприведенные примеры. Возникает, однако, вопрос: каким образом эти искренние увлечения сочетаются с трезвой оценкой происходящего в стране? Случай ли это двоедушия или же проявление стеничевской тотальной иронии?

Думается, что в 1930-е годы Стенича в некоторой степени затронул процесс адаптации к советской системе, происходивший так или иначе со многими деятелями культуры. В этом смысле характерен фрагмент из воспоминаний Н. Чуковского: «В начале тридцатых годов, когда происходил массовый переход старой интеллигенции на позиции Коммунистической партии, называвшийся в то время “перестройкой”, мой друг Валентин Стенич, говоря со мной о Гумилеве, как-то сказал: — Если бы он теперь был жив, он перестроился бы одним из первых и сейчас был бы видным деятелем ЛОКА-Фа». Сомнительно, что такое предположение верно в отношении Гумилева, в большей степени оно характеризует самого Стенича. Правда, мы не можем исключать и того, что это высказывание было произнесено с иронией.

С другой стороны, процессу адаптации Стенич, как кажется, сопротивлялся, не меняя своей манеры поведения и не оставляя привычку острить по любому поводу. Интересны в этой связи воспоминания М. Ардова (сына В. Ардова), отражающие восприятие литератора в писательской среде. Мемуарист, в частности, приводит такую историю: «Видный рапповец Юрий Либединский жаловался Ардову на Стенича. Он, Либединский, прибыл в Ленинград, чтобы агитировать попутчиков, писателей нейтральных, примкнуть к РАППу. После его выступления слово взял Стенич и сказал буквально следующее:

— Я согласен на такую игру: вы, рапповцы, — правящая партия, мы — оппозиция. Но вы хоть бы подмигнули нам, дали понять, что сами-то во всю эту чепуху не верите...»⁴⁵.

Другая фраза, приводимая Ардовым, еще более резкая: «Знаю я ваших “пролетарских писателей”. Они по воскресеньям жрут сырое мясо из эмалированных мисок, придерживая куски босой ногой».

Итак, в сфере публичного поведения Стенич позволял себе как критические высказывания в адрес власти или советских писателей, так и восхищение Прокофьевым и Корниловым или проявление интереса к Чумардину. Его поведение было раздвоено, поскольку противоположные тенденции сталкивались в одной плоскости. Думается, что это отличает литератора от Олейникова, поведение которого тоже можно назвать раздвоенным, однако в этом случае его различные аспекты соседствовали и не находились в прямой конфронтации (т. е. находились как бы в отношениях дополнительной дистрибуции).

Попробуем разобраться в социальном образе Стенича. Нам представляется целесообразным сравнивать его с двумя литературными кругами: футуристами и обэриутами. Мы полагаем, что типологически поведение Стенича находится между этими двумя областями и является промежуточным звеном в этой цепочке. Мы будем говорить преимущественно о типологии поведения, однако ниже приведем свидетельства, которые могли бы связать наше рассуждение с историческими фактами. Важно помнить, что Стенич — ровесник большинства обэриутов, по дате рождения он ближе к ним, чем, например, к Маяковскому или Д. Бурлюку. Между тем, литератор, с нашей точки зрения, не должен восприниматься как обэриут. На вопрос, почему так происходит, — мы попытаемся ответить ниже. Очевидно одно: несмотря на яркость поведения некоторых обэриутов, поведение Стенича устроено сложнее.

Мы бы также хотели включить в анализ еще одну фигуру ленинградской литературной жизни — Бенедикта Лившица. Важен он для нас по нескольким причинам. Во-первых, он близко дружил со Стеничем. Именно жена Лившица — Е. К. Лившиц произнесет на вечере памяти Стенича емкие воспоминания о нем, которые мы частично будем цитировать в данном разделе (а в § III приведем полностью). Во-вторых, фигура Лившица позволяет и оттенить биографию Стенича, и выстроить более тонкие связи поведения литераторов двадцатых годов с литераторами десятых (футуристы) и тридцатых (обэриуты).

1.1. В одном из писем к М. Н. Чуковской Е. К. Лившиц, говоря о предстоящем вечере памяти Стенича, призналась: «А я хорошо его помню, ведь подумать только, что <валентин> <осипович> бывал у нас почти ежедневно в течении 12 лет!»⁴⁶. Действительно, дружба между литераторами возникла

⁴⁵ Ардов М. Указ. соч. [http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/4/ardov.html]

⁴⁶ РО РНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 112. Л. 25.

в 1924 г. и, скорее всего, продолжалась до ареста Лившица (в ночь на 26 октября 1937 г.).

Друзей объединяло многое. Это, прежде всего, любовь к поэзии — и русской (интересно, что оба очень высоко оценивали стихи Ходасевича), и зарубежной. Как и Стенич, Лившиц очень много переводил с французского, однако в основном это были произведения классиков.

О политике в случае с Лившицем необходимо говорить осторожно. Мы не можем с какой-либо уверенностью констатировать политические взгляды поэта. Косвенно, впрочем, о его настроениях свидетельствует не только дружба со Стеничем, но и общение с Виктором Кибальчицем (псевд. — Виктор Серж). Не вдаваясь в подробности биографии Кибальчича, отметим, что он сначала был анархистом, с 1919 г. жил в России, вступил в партию, но был из нее исключен за оппозиционные (троцкистские) взгляды. Подвергался несколько раз арестам, был выслан в 1933 г. в Оренбург и лишь в 1936 г., благодаря участию Р. Роллана, освобожден и отправлен в Бельгию. С Лившицем Кибальчич познакомился в конце 20-х — начале 30-х годов. Известно также, что поэт переписывался с ним, когда он был в ссылке⁴⁷.

С другой стороны, в середине 30-х годов, после выхода в свет *Полуголазого стрельца* и книги переводов из французской поэзии, Лившица, как и многих деятелей культуры, затронул процесс адаптации к советской власти.

Как и Стенич, Лившиц не был чужд поэтической шутки. К сожалению, его экспромты практически не сохранились, но, вероятно, они не были редкостью в его творчестве. К. Чуковский вспоминает, как поэт незамедлительно отреагировал на неудавшийся кулинарный опыт матери его жены: «Нет надежнее и проще / Куличей работы тещи». Известно также его шутовское обращение к жене, в другом случае — к соседу⁴⁸.

Наконец, еще одно важное сходство — поведение поэта, его социальный образ. Известно, что Лившиц всегда вел себя намеренно галантно. В самые тяжелые годы он старался хорошо одеваться, быть предельно вежливым. Некоторым современникам подобное поведение казалось искусственным и вызывало неприязнь⁴⁹. Оно, однако, хорошо запомнилось не очень пристрастной М. Н. Чуковской, которая так описала поэта: «Лившиц мне запомнился, он выделялся среди молодых поэтов того времени и своей римской красотой, и щегольской одеждой.

<...> Бывало, встретишь Б<енедикта> К<онстантиновича> на улице, и всегда он останавливался, и по старомодному оттягивал перчатку и целовал мне руку, не обращая внимания на то, что старая изношенная перчатка

⁴⁷ Шнейдерман Э. Указ. соч. С. 93–94.

⁴⁸ См.: Успенский П. Неизданные шуточные стихи Бенедикта Лившица // Вопросы литературы. 2010. № 5. [<http://magazines.russ.ru/voplit/2010/5/u29.html>].

⁴⁹ См., напр., впечатления Л. К. Чуковской: *Чуковская Л. К. Сочинения*: В 2 тт. М., 2001. Т. 1. С. 175.

отнюдь не годилась для такой торжественной церемонии. <...> открыли наконец столовую <...> И в определенный час, идя на обед, всегда было видно Б<енедикта> К<онстантиновича>, который, сидя в маленьком закутке и засунув по-старинному за ворот салфетку, поглощает жалкий обед»⁵⁰.

Другая современница, И. Наппельбаум, вспоминала: «Весь рисунок его внешности — высокая, плотная, представительная фигура, четкая дикция, шляпа, трубка, трость — все удивляло. Он плохо вписывался в полотно тогдашней литературной среды. Когда он шел по улицам города, он привлекал к себе внимание. Иногда люди специально шли следом, вдыхая аромат его трубки или запах духов. Он был не такой, как все окружающие»⁵¹.

Таким образом, в 20–30-е годы социальное поведение Лившица было и щегольским, и учтивым. В этом не было никакого эпатажа, однако его манера держать себя выделялась на фоне поведения современников.

1.2. Светское учтивое поведение, как и яркий внешний вид, были характерны для Лившица футуристического периода. В этом смысле его образ 20-х годов ничем не отличается от образа 10-х годов, однако в новом контексте он меняет свои смысловые коннотации.

Действительно, во времена футуризма Лившиц оставался предельно аккуратным в выборе деталей одежды. В *Полутораглазом стрелце* поэт вспоминает, как Маяковский призывал его «освежить» костюм. «Я ограничился полуаршином чудовищно-пестрой набойки, из которой, по моим соображениям, можно было выкроить достаточно кричащие галстук и носовой платок. На большее у меня не хватило размаха»⁵². В другом месте Лившиц пишет о единственной провокативной детали своего «футуристического» костюма — черном жабо.

Такой внешний вид одновременно отличает поэта от других футуристов и сближает его с ними. Действительно, дендизм в его крайней степени, переходящий от утонченности к эпатажу, был весьма характерен для авангарда. Примеры здесь хрестоматийны: знаменитый лорнет Давида Бурлюка, знаменитая желтая кофта Маяковского. Лившицу врезался в память внешний вид Маяковского незадолго до первого вечера речетворцев: «Гороховое в искру пальто, очевидно купленное лишь накануне, и сверкающий цилиндр резко изменили его привычный облик. Особенно странное впечатление производили в сочетании с этим щегольским нарядом — голая шея и светло-оранжевая блуза, смахивавшая на кофту кормилицы. Маяковский был детски горд пере-

⁵⁰ Чуковская М. Воспоминания о Бенедикте Лившице / Вступ. заметка, публ. и примеч. П. Успенского // Нева. 2010. № 8 [<http://magazines.russ.ru/neva/2010/8/u8.html>].

⁵¹ Наппельбаум И. Угол отражения: краткие встречи долгой жизни. СПб., 1999. С. 72.

⁵² Лившиц Б. «Полутораглазый стрелец». Стихотворения. Переводы. Воспоминания. Л., 1989. С. 425.

меной в своей внешности, но явно еще не освоился ни с новыми вещами, ни с новой ролью, к которой обязывали его эти вещи»⁵³.

Лившиц, очевидно, поддерживает игру в дендизм, однако остается в этой игре предельно консервативным (оказываясь, по сути, единственным настоящим денди). Этот консерватизм распространяется и на социальное поведение. Насколько мы знаем, поэт никогда не позволял себе ни оскорбительных высказываний в адрес публики (как Маяковский), ни прямых действий в ее адрес (как Крученых, по воспоминаниям Лившица, выливший в аудиторию стакан чая). По едкому замечанию Г. Иванова, в котором, на наш взгляд, все же содержится зерно истины, «футуристическая карьера Бенедикта Лившица не удалась, потому что он носил котелок и гетры»⁵⁴.

1.3. На процитированную фразу стоит обратить внимание и в другом отношении. Названные предметы одежды могут ассоциироваться с внешним видом другого поэта, Д. Хармса. Действительно, поведение Лившица 10-х и 20-х годов типологически связано с поведением обэриутов. Как кажется, облик Лившица находит себе большее соответствие в фигуре А. Введенского (а ассоциация с Хармсом возникает по смежности).

Е. С. Коваленкова, знавшая Введенского, немного противоречиво вспоминала о его внешнем виде: «Я очень хорошо помню, как он выглядел. Он мало заботился об элегантности, носил всегда один и тот же костюм — черный, в мелкую белую полосочку, вероятно, дорогой, но весь обсыпанный пеплом: Саша не расставался с пачкой “Казбека”. У него были красивые черные глаза, но кожа в каких-то щербинках и зубы плоховатые, а еще постоянный насморк. И всегда — чистые большие платки: где он при своей кочевой жизни умудрялся стирать эти платки и вечную белоснежную рубашку, которую носил с галстуком, — оставалось загадкой (впрочем, может быть, ему стирали в гостинице)»⁵⁵. Важны также воспоминания Л. Жуковой, согласно которым Введенский в середине 20-х годов «был неухоженный <...> обожал фокстрот и считал себя “кавалером”! Он целовал дамам ручки. Ему казалось это светским и галантным»⁵⁶ (эта характеристика могла бы относиться одновременно к галантному Лившицу и модному Стеничу).

Следует также иметь в виду, что Лившиц и Введенский, скорее всего, четко разделяли литературную и личную биографию (гипотетичность этого высказывания вызвана тем, что воспоминаний о поэтах очень мало). Так, Введенский, уже живя в Харькове, не обсуждал литературу со своей семьей.

⁵³ *Лившиц Б.* Указ. соч. С. 422–423.

⁵⁴ *Иванов Г.* Сочинения: В 3 тт. М., 1994. Т. 3. С. 197.

⁵⁵ *Введенский А.* «Всё». М., 2010. С. 401

⁵⁶ *Жукова Л.* Обэриуты // Театр. 1991. № 11. С. 8. Цит. по: *Мейлах М.* Даниил Хармс: последний петербургский «денди» (заметки к теме) // Russian Literature. 2006. Vol. LX. Is. III/IV. P.434.

Характерно в этом смысле, что творчество поэтов не предполагает биографического прочтения. Я. Друскин, например, говорил о Введенском как о поэте без биографии. Важно, что и для современников их творчество не связывалось с их социально-бытовым поведением. Иными словами, общество не выработало биографического мифа о поэте Лившице или поэте Введенском. Совершенно не так дело обстоит с Хармсом. «Важнейшая, присущая Хармсу-“денди” черта, — это тотальная эстетизация жизни, пронизательно отмеченная в словах Введенского (в передаче Я. С. Друскина): “Хармс не создает искусство, а сам есть искусство”»⁵⁷. При этом, существуют некоторые свидетельства об эпатажных выходках Введенского, однако они, скорее всего, объясняются влиянием друзей-литераторов: прежде всего, Хармса и, возможно, Олейникова.

1.4. Итак, описанный умеренный или консервативный тип поведения характерен для Лившица и Введенского и генетически восходит к авангарду. В некотором смысле, его можно рассматривать как нейтральный.

2.1. На этом фоне социальный образ Стенича выделяется своей яркостью и эксцентричностью. Примечательно, что такие разные люди, как Блок и Дос Пассос увидели в нашем герое «футуристические черты». Стенич, скорее всего, действительно испытал влияние авангарда, не только в словесном, но и в поведенческом плане.

В очерке биографии Стенича мы писали об образе поэта-комиссара. В Петербурге этот образ меняется. Современникам он запомнился более элегантным и дендистским. Л. Жукова вспоминает: «На фоне нашего убогого быта Стенич выглядел, как “орхидея на помойке”. Этот афоризм я украла у Фаины Георгиевны Раневской. Всегда отутюженный, накрахмаленный, отдраенный в своем единственном буклистом сером пиджаке, Валя действительно был среди нас орхидеей. <...> У Мити была суконная синяя толстовка, вроде китайской униформы, но Валино щегольство, его галстуки и отливающие блеском крахмальные воротнички ему импонировали, это был Стенич такой, какой он был».

Нетрудно заметить, что Стенич использует ту же манеру преподносить себя, как Лившиц и Введенский: единственный пиджак, но чистейшие воротнички. В этом смысле чрезвычайно занятно, что люди, не знавшие Стенича близко, преувеличивали роскошь его гардероба. Вот, например, описание Л. Левина: «В одежде Стенич был общепризнанным законодателем мод. Неслыханно элегантные пиджаки сменяли друг друга. На голове — модная фетровая шляпа. В те годы шляпы носили немногие. В руках — изящная трость, которую хозяин ни на минуту не оставлял в покое».

⁵⁷ Мейлах М. Указ. соч. Р. 418.

2.2. Если в координатах авангарда внешний вид Стенича принадлежит умеренному типу, то этого же нельзя сказать о его поведении. Степень адресованности и провокативности его выходок иногда напоминает поведение Крученых или Маяковского. При этом литератор, по-видимому, заимствовал из футуризма не только игровое начало, но и его социальную, антибуржуазную направленность (отметим, что для самих футуристов подобный тип поведения был связан не столько с понятием социальности, сколько вообще с новой эстетикой). Поэтому выходки Стенича в некоторых случаях лишены авангардного «безумия», но часто подчеркнута социальны.

2.2.1. Чем же запомнился Стенич современникам в 20–30-е годы? Помимо приведенных выше случаев — высказывания о Сталине и чтение антисоветских стихов — можно вспомнить еще ряд интересных эпизодов.

Н. Я. Мандельштам вспоминает: «Стенич тоже разыгрывал сценки, но совсем другого рода, чем Андронников. Еще в середине двадцатых годов у него был коронный номер: Стенич рассказывал, как он боится начальства и как он его любит — так любит, что готов подать шубу директору Госиздата... Этот рассказ он подносил всем писателям, а они принимали его довольно холодно. Легче было счесть Стенича циником, хвастающим собственным подхалимством, чем узнать в изображаемом лице самого себя».

Братия советских писателей, по-видимому, была излюбленным объектом сатиры Стенича (и в этом контексте случай общения с Чумардиным можно воспринимать как затянувшуюся во времени шутку-эксперимент). Л. Левин вспоминает, как Стенич позвонил по телефону многим писателям и каждому сообщил, что с ним хочет встретиться ответственный сотрудник газеты «Правда», остановившийся в гостинице «Европейская». Естественно, литератор назначил всем встречу в гостинице в одно и то же время, но сообщил, что сотрудник газеты просит не разглашать его приезда. «Стенич же, якобы случайно оказавшийся в гостинице, несколько раз проходил мимо номера, в котором, разумеется, не было никакого “правдиста”. Он с любезной улыбкой приветливо раскланивался с собравшимися и из надежного укрытия наблюдал, как они старались не вступать ни в какие контакты друг с другом».

Другой эпизод, запомнившийся тому же мемуаристу, связан с поэтическим чтением молодого, но уже зарекомендовавшего себя поэта. «Стенич внимательно слушал. Потом соскучился и стал вслух угадывать рифмы <...> Поэт. И вот рассыпается бисер и медь, / Мерцает за стеклами строго / Россия, которую можно / Стенич. Смотреть / Поэт. И не разрешается / Стенич. Трогать».

Л. Жукова вспоминает, как однажды, за столом он сочинил такой сценарий: «Жили были на одном заводе Гуд и Шлехт. Гуд горел на работе, а Шлехт вредил. Как-то ночью этот Шлехт просверлил дырочку, и из дырочки пошла лава. Предзавкома Настя заткнула дырочку пальцем и так героически простояла до утра. Шлехта сажают, а Гуд вступает». В контексте застольного

разговора этот сценарий, разумеется, воспринимался как пародийный. А вот пародия Стенича на роман А. Толстого *Петр Первый* — «Ровно в полдень дьяк думского приказа вышел на двор подрисовать. Вызвездило» — привела не только к драке с писателем Л. Славным, но и временному исключению из Союза писателей⁵⁸.

Наверное, самый известный эпизод связан с переносом останков литераторов с кладбища Данилова монастыря в Москве в 1931 г. Н. Рыкова вспоминала, как Стенич «вдруг нагнулся, поднял что-то с земли и воскликнул: “У меня бедро Гоголя! Меняю, делайте предложения!”»⁵⁹. Помимо действительно странного поведения Стенича обращает на себя внимание, что другие участники сцены как бы заведомо включаются в эту игру. Вероятно, именно таким образом и выражается отношение к ним. Кажется, этот смысловой оттенок поступка литератора ускользнул от внимания современников (известна гневная реакция Ахматовой на эту историю).

Разумеется, ирония над писателями не всегда воплощалась в каких-нибудь сценках. Иногда это просто каламбуры или вовремя произнесенные злые шутки (почему-то запомнившаяся Н. Чуковскому как яркая реплика литератора в ответ на фразу «Наш брат писатель...» — «Как! у Вас есть брат — писатель?»); или же неожиданное восклицание по поводу одной поэтессы, правящей в издательстве свою рукопись: «Как! Даже Вас печатают в этом журнале!»).

С. И. Липкин — в передаче М. Ардова — запомнил более едкую реплику: «Однажды мы со Стеничем шли к кому-то в писательский дом в Лаврушинском. Лифт не работал, и мы поднимались по лестнице пешком. Я говорил: “Вот здесь живет такой-то писатель... А вот здесь — такой-то...” Стенич некоторое время меня слушал, а потом воскликнул: “Да это какой-то шашлык из мерзавцев!”»⁶⁰.

Для Стенича были характерны не только литературные, но и острые социальные высказывания. «Жить в стране, где три четверти населения сидит орлом, — это унижительно» — говорил он по воспоминаниям Л. Жуковой. По ее же свидетельству, Стенич не рассуждал всерьез на политические темы,

⁵⁸ Цит. по: *Вахитова Т. М.* Указ. соч. С. 178.

⁵⁹ Цит. по: *Вахитова Т. М.* Указ. соч. С. 179. История приводится также в кн.: *Тименчик Р. Д.* Указ. соч. С. 405–406; там же приводятся сведения о том, что она попала в окололитературный фольклор. По воспоминаниям Л. Жуковой, устный рассказ Стенича об этом эпизоде (в котором, кстати, фигурировало ребро Гоголя, в итоге «таинственно вернувшееся восвояси») обрел силу «чисто гоголевской фантазмагоричности».

См. также несколько иную историю о ребре Гоголя в дневниковых записях В. Полонского: *Полонский В.* «Моя борьба на литературном фронте». Дневник. Май 1920 — январь 1932 / Подгот. текста, публ. и коммент. С. В. Шумихина // *Новый мир.* 2008. № 5. (запись от 14.07.1931) [http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/5/po10.html]. Эту историю вспоминает также (уже со слов современников) другой мемуарист: *Ардов М.* Указ. соч.

⁶⁰ *Ардов М.* Указ. соч.

но насчет советской власти «прохаживался так остро и метко, что я не очень понимаю, как это все уживалось с нашим домом». По понятным причинам эти высказывания до нас не дошли (кроме случая, приведенного Гулем со слов Федина).

2.2.2. Такова лишь одна сторона поведения Стенича. Разумеется, в 20–30-е годы подобное поведение было своего рода формой сопротивления происходящему в обществе и стране. Однако наш герой известен не только социальными шутками и высказываниями. Другие аспекты его поведения в большей степени связаны с обэриутами, но не всегда столь остры.

Приведем несколько характерных примеров. Л. Жукова описывает такой эпизод: «откуда-то выволоч он на свет Божий старую “Биржевку”, уже в те дни доисторическую желтую газетку “Биржевые ведомости”, напялил на голову цилиндр и пошел фланировать по Невскому, дразня этим маскарадом». Поступок, который можно охарактеризовать скорее как дурачество, чем социальную провокацию, напоминает нам поведение Д. Хармса.

Богатым источником являются здесь воспоминания Н. Чуковского (во многом сгладившие фигуру литератора). Он, в частности, вспоминает, что Стенич был прекрасным рассказчиком и все время придумывал истории с несуществующими героями.

«Был им изобретен, например, такой персонаж — Дурак с Байдарскими воротами. В жизни этого Дурака было одно-единственное событие — он как-то побывал в Крыму и повидал Байдарские ворота. Они произвели на него неизгладимое впечатление и чрезвычайно повысили уважение к себе. И когда кто-нибудь в его присутствии говорил о политике, о музыке, о литературе, то есть о чем-нибудь для него непонятном, он, чтобы доказать, что и он не лыком шит, хлопал говорившего по колену и начинал: — Позвольте, я вас перебью. Когда прошлым летом я был на Байдарских воротах... <...> Дурак с Байдарскими воротами имел свои суждения обо всем на свете, и, если что-нибудь случалось, Стенич сообщал, что думает об этом его Дурак».

«...одно время был у него другой мифический персонаж, который говорил про себя, картавя: — Я не граф, я не князь, я Овчина-Телепень-Серебряной-Погорельский. Все рассказы о похождениях Овчины-Телепня были приурочены к 1916 году — последнему году перед революцией, когда Петроград кишел великим множеством авантюристов. Овчина-Телепень-Серебряной-Погорельский выдавал себя за прямого потомка древних московских бояр, носил боярскую бороду, стригся в кружок и ходил в Дворянское собрание в расшитом кафтане и русских сапогах».

Приведем последнюю обширную цитату из Н. Чуковского: «Серго Куртикидзе был сосед Стенича по коммунальной квартире, и Стенич создал о нем один из своих блистательнейших мифов. Я никогда не видел Серго Куртикидзе, но точно знал, что он скажет и что он сделает при тех или иных обстоятельствах. Стенич вылепил из него образ по-гоголевски отчетливый и

яркий. <...> помню только, что Куртикидзе хоронил свою скончавшуюся тещу по православному обряду, и отпевал ее сам архиерей; на поминках тоже присутствовал архиерей, и потом Серго Куртикидзе говорил Стеничу: — Этот архиерей такой интеллигентный человек: прекрасно ко мне относится. С тех пор весь круг знакомых Стенича стал употреблять слово «интеллигентный» в том смысле, который ему придал Серго Куртикидзе». Примечательно, что в приведенной цитате трудно отличить реальность от вымысла.

2.3. Подобный тип поведения связан с обэриутами. Разумеется, обэриуты его развили, придали своим выходкам характер не только дурачества, но и нередко — тотального абсурда. Здесь, прежде всего, мы должны говорить о Введенском, Хармсе и Олейникове. Последний в строгом смысле обэриутом не был, однако дружил с названными поэтами. Вагинова, который быстро отпал от объединения, и Заболоцкого мы должны исключить из нашего рассмотрения. И. Бахтерев пронизательно писал о Заболоцком, что ему «было не только чуждо, глубоко отвратительно» актерство в жизни⁶¹. В этом смысле чрезвычайно характерна приведенная мемуаристом история о том, как обэриуты посетили Клюева (поведение которого тоже было подчеркнуто семиотично) и Заболоцкий сказал поэту: «...На кой черт вам весь этот маскарад?»⁶².

2.3.1. Вновь обратим внимание на внешний вид поэтов. Облик Хармса запомнился многим мемуаристам. Известны характерные детали его одежды: гольфы, длинный сюртук, труба, трость и др. Вообще, сопоставление поэта с денди как культурной категорией напрашивается, и здесь мы должны отослать читателя к статье М. Мейлаха «Даниил Хармс: последний петербургский “денди” (заметки к теме)», которую уже цитировали. Тем не менее, приведем несколько характерных свидетельств.

Вс. Петров так вспоминал свою первую встречу с Хармсом в ночном трамвае весной 1933 г.: «...на площадку вскочил высокий молодой человек необычного вида. Он был в котелке, каких тогда решительно никто не носил, и показался мне элегантным на иностранный лад, несмотря на довольно поношенное и потрепанное пальто.

Моя спутница приветливо улыбнулась ему. Он снял котелок и с несколько аффектированной учтивостью поцеловал ее руку. Время было хамоватое, и мало кто целовал тогда руки дамам, особенно в трамвае. Мы с молодым человеком обменялись сдержанными полупоклонами, и он прошел в вагон»⁶³.

⁶¹ *Бахтерев И.* Когда мы были молодыми // Воспоминания о Н. Заболоцком. Изд. 2-е, доп. М., 1984. С. 64.

⁶² Там же. С. 82. Впрочем, иногда Заболоцкий писал шуточные письма (см., напр., воспоминания Т. Липавской: Там же. С. 47) — черта, характерная для всех обэриутов.

⁶³ *Петров В. Н.* Воспоминания о Хармсе // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 189. См. также его описание более позднего времени: «Дверь открыл высокий блондин в сером спортивном костюме: короткие брюки и се-

Другой современник, Н. Матвеев, вспоминал: «Когда я первый раз пришел к Даниилу, он, взглянув на мой костюм, сказал: “плохой”, вынул из комода лучший, сказал: “Носи на здоровье...”»⁶⁴.

Приведем, наконец, выдержку из воспоминаний Л. Жуковой, из которой видно, что Хармс хотя и мог напоминать Стенича, но все же сильно от него отличался: «Он не только взял себе англизированный псевдоним, отказавшись от своей фамилии Ювачев, он и одевался, как “денди лондонский”. Этих настоящих денди он никогда не видел — пришлось самому придумать себе нечто “лондонское”. Он носил короткие серые гольфы, серые чулки (увы, из грубой вигони), серую большую кепку. То и дело он прикладывал к этой кепке пальцы, когда здоровался с встречными столбами. Он почему-то здоровался со столбами. И делал это с той важной серьезностью, которая не позволяла никому из нас хмыкнуть...».

Как мы видим, прагматика поведения Хармса в данном отрывке предстает как подчеркнуто игровая, и в этом контексте его дендизм может восприниматься не как своего рода оппозиция к социальным процессам, а как часть игрового начала, которое, впрочем, косвенно можно рассматривать как своеобразное сопротивление происходящему в обществе.

2.3.2. Отметим, что несколько по-другому моделировал свой образ Н. Олейников, игравший на своем казацком происхождении. Известно, что он ходил с золотой серьгой в ухе и носил свисающий на лоб волнистый чуб⁶⁵. В этом случае от дендизма уже ничего не остается, однако сохраняется эпатажность, ярко выделяющаяся на общем фоне.

Подчеркнуто галантное отношение к дамам трансформируется у Олейникова в поведение, граничащее с пошлостью (по-видимому, в нем, зная стихи поэта, можно увидеть сильный заряд иронии). «Он вертелся около “дам”, нам уже под двадцать. “У вас неожиданные брови”, “У вас брови как котик”» — вспоминает современница. Другая знакомая поэта запомнила такую сцену: «— Пью за здоровье, — говорил Николай Макарович, взяв бокал в руку, — или, как говорили в старину, пью здоровье дам-красавиц, количеством (предварительно было сосчитано, сколько женщин за столом), покоривших человечество” или “Если женщину можно сравнить с цветком, то Ирину Николаевну смело сравниваю с эдельвейсом!” И так перебирались все женщины за столом и сравнивались по очереди с цветами...»⁶⁶.

рые шерстяные чулки до колен. <...> Хармс опять показался мне элегантным на иностранный манер. В дальнейшем, впрочем, выяснилось, что у него и не было другого костюма; этот единственный служил ему на все случаи жизни» (Там же. С. 191).

⁶⁴ Цит. по: Мейлах М. Указ. соч. С. 421.

⁶⁵ См.: Риникер Н. С. Указ. соч. С. 74.

⁶⁶ Цит. по: Полякова С. В. Указ. соч. С. 24; См. также: Олейников А. Н. Поэт и его время // Олейников Н. Указ. соч. С. 43.

2.3.3. Прозаические импровизации Стенича более всего напоминают Хармса. Так, например, сохранилась известная фотография Хармса, изображающего своего воображаемого брата — Ивана Ивановича, приват-доцента Санкт-Петербургского Университета, который был «повидимому <так! — П. У.> эстет и мистик»⁶⁷.

Следующая характеристика Олейникова также напоминает Стенича: «По свидетельству современников, Н. Олейников обладал заметными актерскими способностями. Мгновенно перевоплощаясь, он мог с одинаковой убедительностью изобразить и белого офицера, и рубаку-станичника, и питерского старожила, и бродячего певца...»⁶⁸.

Итак, не только внешний вид Хармса и Олейникова, но и актерство в бытовом поведении обнаруживают типологическую близость с внешностью и поведением Стенича.

2.4. Что еще их объединяет? Одна из характерных черт Олейникова, мелькающая в мемуарах о нем, — его злое и беспощадное остроумие, направленное, в том числе, и на близких людей⁶⁹. В некоторых шутках поэта можно увидеть социальную подоплеку. «В пустом гастрономическом магазине, где можно приобрести разве ржавую селедку, он говорил продавцу: “Дайте мне что-нибудь голубое. Мне нужны голубые еды”»⁷⁰.

Бытовое остроумие было присуще и Д. Хармсу. Т. Липавская, позвавшая к себе на пирожки с рисом ряд гостей — Хармса, Заболоцкого, Евг. Рысса, вспоминает такую сцену: «Рысса все не было. Он вообще не пришел. Вдруг Даниил Иванович совершенно неожиданно и совершенно серьезно спросил: — Где же пирожки с Рыссом?»⁷¹.

Важно вспомнить и скептическое отношение Хармса к советским писателям. Список, сделанный рукой поэта и озаглавленный «Кого я не люблю» открывается именно писателями. Известны также злые анекдоты Хармса о ряде советских литераторов (см., напр., «Как известно, у Безыменского очень тупое рыло. / Вот однажды Безыменский стукнулся своим рылом о табурет. / После этого рыло поэта Безыменского пришло в полную негодность»⁷²).

Любопытно, что в некоторых случаях у Стенича и обэриутов совпадают литературные вкусы. И наш герой, и Введенский, например, считали гениальным М. Зощенко⁷³.

⁶⁷ Письмо Я. С. Друскина к Г. Б. Викторовой // *Введенский А.* Указ. соч. С. 563.

⁶⁸ *Олейников Н.* Указ. соч. С. 43.

⁶⁹ *Риникер Н. С.* Указ. соч. С. 76.

⁷⁰ Цит. по: *Полякова С. В.* Указ. соч. С. 25.

⁷¹ Воспоминания о Н. Заболоцком. Изд. 2-е, доп. М. 1984. С. 47.

⁷² Цит. по: *Мейлах М.* Указ. соч. С. 414.

⁷³ *Введенский А.* Указ. соч. С. 481.

2.5. И все же, несмотря на несомненные черты типологического сходства, Стенич сильно отличается от обэриутов. Его поведение, как кажется, в большей степени связано с реальностью. Значительная часть шуток и острот литератора посвящена политике, писателям, социальным условиям в стране. Иными словами, то многое, что запомнилось современникам, — своего рода реакция на общественные события. Конечно, выдумывая истории с несуществующими героями, Стенич балагурил, и это частично сближает его с обэриутами. Однако это открытое балагурство сочеталось с публичными высказываниями о политике или же прямой сатирой на коллег-писателей. Стенич во многом бравировал своим независимым поведением, и именно эта независимость ярче всего его характеризует.

Не совсем так у обэриутов. Думается, что если рассматривать поведение Стенича как исходную точку, то обэриуты демонстрируют его финальную фазу. Открыто провокативное поведение Стенича во многих случаях лишается у Хармса или Олейникова своего социального характера. Важно иметь в виду, что Стенич общался с очень большим количеством людей, все его шутки и остроты доходили до адресатов, он был мастером непосредственного отклика. У обэриутов же, с одной стороны, видна тенденция к кружковости и общественной изоляции, с другой — их официальное поведение характеризуется несколько более сложным образом.

2.5.1. Действительно, Хармс не любил советских писателей, однако, насколько нам известно, прямых язвительных высказываний в адрес того или иного деятеля в его присутствии у него нет. Анекдоты обэриута изначально рассчитаны на домашнее функционирование, тогда как Стенич, по-видимому, старался донести свои остроты до максимально большого числа слушателей. Точно так же не сохранился злой юмор Олейникова в адрес той или иной социально значимой фигуры.

2.5.2. В первой части нашей работы мы писали о раздвоенности Олейникова. С одной стороны, он пишет идеологизированную детскую прозу, с другой — странные стихи. Вероятно — и об этом писали мемуаристы — поэт как бы избегал быть самим собой, пряча свою личность за разными личинами. Характерен в этом смысле эпизод, рассказанный Л. Гинзбург со слов Бухштаба, который в библиотеке увидел Олейникова, читающего книги по высшей математике. Примечательно, что при появлении знакомого лица книги были сразу же спрятаны. В случае со Стеничем, как кажется, никакого «второго дна» нет: он открыто выражает свои пристрастия и вкусы. Другое дело, что иногда мы не можем отличить искреннее увлечение от иронии, но это вопрос нашей интерпретации, тогда как сами факты от нас не скрываются.

В сфере официального поведения, помимо легендарного остроумия, Олейникова ярко характеризуют его выходки, связанные в большей степени с дурачеством или с тотальным игровым началом. Писатель Пантелеев при-

шел в середине 20-х годов в Госиздат искать Олейникова. «В этот миг дверь распахнулась и в коридор выскочил на четвереньках молодой кудрявый человек. Не заметив зрителей, с криком “я верблюд”, сделав круг, он повернул обратно»⁷⁴. О различного рода импровизированных выступлениях Олейникова и его коллег вспоминают многие мемуаристы⁷⁵. Не будем умножать количество примеров, но отметим, что как в этом, так и в подобных случаях, в разыгрываемых сценках предельно выражено игровое начало, нарушающее привычный ход вещей. Думается, что в отличие от многих (но не всех) выходов Стенича, здесь больше игры ради игры, чем социальной подоплеки.

2.5.3. К этому стоит добавить, что Стенич предельно ироничен, но пародирует только современную действительность. В случае с Олейниковым складывается впечатление, что он иногда пародирует все на свете. Так, знаменитая табличка на дверях литератора «Поэт и светлый гений» обыгрывает не только обывательские представления, но и саму систему литературного канона, идею о том, что бывают гениальные поэты (Ср., впрочем, с Хармсом, который, как известно, высоко ценил многих писателей мировой литературы — Данте, Шекспира, Пушкина, Гоголя, Прутков, Майринка, Гамсуна).

2.5.4. На поведении Хармса, которое тоже нередко упирается в абсурд, мы подробно останавливаться не будем (см., напр., эпизод, о котором вспоминает В. Н. Петров: «Однажды в Госиздате, на шестом этаже, он со спокойным лицом, никому не сказав ни слова, вышел в окно по узкому карнизу и вернулся в другое окно»). Приведем один известный случай прямой конфронтации с аудиторией литературного кружка Высших курсов искусствоведения, когда Хармс, прежде чем покинуть собрание, позволил себе резкое высказывание в его адрес: «Товарищи, имейте в виду, что я в конюшнях и бардаках не выступаю»⁷⁶. Однако в данном случае эффект прямого высказывания может сглаживаться общей странностью литератора, читавшего заумные стихи. В этом смысле оно связывается не со свободомыслием, а с общей нетипичностью поведения.

2.5.5. Как мы помним, Стенич во многих своих проявлениях намеренно политичен, он как бы бравирует своей смелостью. Не так у обэриутов. Известно несколько ситуаций, в которых проявилось их отношение к политике. Л. Жукова вспоминает, как ее муж (Д. П. Жуков) и Олейников проводили один вечер. «Они тихо пили и пели. Тогда Сталин изрек свое гениальное “Дело чести, дело славы, дело доблести и геройства”. И вот они пели эти слова, под “эй, ухнем”, тихо, протяжно, умильно, уже захмелевшие, на лице розовые пятна, размягченные, чему-то смеялись, один хмыкает, другой ухмыльнет-

⁷⁴ Полякова С. В. Указ. соч. С. 24.

⁷⁵ См. примеры и литературу: Риникер Н. С. Указ. соч. С. 76–77.

⁷⁶ Цит. по: Мейлах М. Указ. соч. С. 415.

ся... «Геройства, ства...ства...»». М. Мейлах со слов Я. Друскина цитирует ответ Хармса на вопрос, часто задававшийся в начале войны — кто в ней победит? — «конечно, русские; немцы, если попадут в это болото — завязнут».

Однако все эти случаи связаны исключительно с близкими людьми. Очень важным в таком контексте оказывается свидетельство В. Н. Петрова о доме Хармса. В нем «господствовали свобода и непринужденность. Хозяева дома и их гости были тогда молоды и беззаботны, несмотря на то, что жизнь большинства из них была совсем нелегкой. Гости приходили, когда угодно, вели себя как хотели, делали все, что им нравилось, и говорили о том, что их интересовало.

Одна только тема была под запретом в доме Хармса, как, впрочем, и во всех других домах того времени: никто и никогда не говорил о политике и властях». Разумеется, мемуарист говорит о самых страшных годах, когда, действительно, о политике не говорили. К этому времени Стенич уже был расстрелян. Однако думается, что подобное правило действовало в доме Хармса и раньше. Стенич, как мы помним, тоже не позволял себе прямых разговоров о политике, однако регулярно «прохаживался» по поводу советской власти.

2.5.6. Наверное, самое яркое различие двух типов поведения заключается в отношении к сумасшествию. Характерно, что небольшой корпус воспоминаний о Стениче не регистрирует его интереса к этой теме. Иное дело обэриуты. Интерес Хармса к безумцам хорошо известен. Проявлялся он в некоторой степени и у Введенского, о чем вспоминает его пасынок Б. Викторов⁷⁷.

2.5.7. Наконец, если поведение обэриутов можно скорее охарактеризовать как тотально игровое, то в случае со Стеничем необходимо помнить, что он мог вести себя по-другому. В этом смысле очень ценны небольшие мемуары Е. К. Лившиц, в которых Стенич вспоминается в самых разных ситуациях, и отнюдь не всегда он ведет себя как денди (см. ниже, § III). Так, например, после наводнения он помогает разбирать затопленные подвалы Госиздата, спасая наиболее ценные книжные издания. В другой раз Стенич предстает идеально воспитанным молодым человеком, не позволяя себе никаких колкостей или двусмысленностей. Оговоримся, что Е. К. Лившиц описывает середину 20-х годов, и с этого времени поведение Стенича могло эволюционировать, однако все же думается, что в некоторой степени возможность неигрового поведения оставалась у него до конца. С одной стороны, Н. Н. Чуковская вспоминала, что когда в гости к Чуковским приходил Стенич, ее, маленькую девочку, родители уводили в другую комнату, боясь его двусмысленных острот. С другой, — принципиально по-иному Стенич ведет себя в трагических ситуациях в жизни близких людей. Разумеется, странно было бы острить по поводу ареста близкого человека; но Стенич в этой ситуации

⁷⁷ Введенский А. Указ. соч. С. 480.

выступает в роли утешителя, который всеми силами старается поддержать своего друга, Л. Жукову, у которой арестовали мужа. «Валя неуклюже топтался — сесть в детской негде, не на что — и, глядя на меня подслеповатыми глазами, с непривычной для него растерянностью сказал: “Я вас не оставлю. Я научу вас переводить. Вы не пропадете...” Чем он мог со мной поделиться, чем еще помочь?». Приведенная выдержка представляет Стенича сочувствующим и человечным. И кажется, что это свидетельствует о том, что игровое начало совершенно не абсолютно в его жизни.

2.6. Итак, фигура Стенича является своего рода промежуточным звеном между футуристами 10-х годов и обэриутами. Сравнивая Стенича с футуристами, мы пытались связать два типа поведения.

3. Сопоставляя его с обэриутами, мы до этого момента говорили лишь о точках типологического сходства и различия. Между тем, описанные системы поведения, содержащие в себе схожие элементы, могли между собой соприкасаться. Иными словами, между Лившицем, Стеничем и обэриутами могла существовать преемственность. И Введенский, и Хармс вряд ли заимствовали у предшественников черты их поведения, однако, скорее всего, знали о них и могли на них ориентироваться.

3.1. Первой точкой пересечения указанных лиц является Госиздат. Обэриуты сотрудничали с детским отделом, Стенич и Лившиц — с отделом переводов. Разумеется, литераторы не могли не встречаться.

3.2.1. Может быть, более важная точка пересечения — дом М. Кузмина. Известно, что там часто бывали Хармс и Введенский (последнего Кузмин очень высоко ценил как поэта). В этом же доме регулярно бывал Бенедикт Лившиц со своей женой. Именно там поэты могли часто встречаться. Помимо этого, Е. К. Лившиц близко дружила с В. Н. Петровым и очень хорошо знала Хармса. В одном из поздних писем, делясь впечатлениями от прочитанных воспоминаний Б. Ф. Семенова *Время моих друзей* (Л., 1982), она признавалась: «Особенно интересны мне были страницы о Лебедеве, Д. Ив. Хармсе и Ал. Введенском. Все они — мои добрые знакомые, а Д. Ив. — близкий друг»⁷⁸. Вероятно, обэриуты знали не только Лившица, но и Стенича (хотя бы как близкого друга семьи Лившицев).

3.2.2. С другой стороны, Стенича не мог не знать и Кузмин. Известно, что Л. Л. Раков рассказывал поэту об одной выходке Стенича на вечере у общих знакомых. «К некоторым стихотворениям он подобрал подходящую музыку и пел их на мотивы разных танцев. Какие-то, впрочем, очень хорошие стихи Мандельштама он пел, например, под матчиш. Получалась пародия или, во

⁷⁸ ОР РНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 15. Л. 19.

всяком случае, снижение. А Блока “Петербургское небо мутилось дождем...” он пел под какой-то грустный вальс, и выходил такой пятнадцатый год, такая Россия, и такая безнадежность!»⁷⁹. Вполне вероятно, что эта история дошла до обэриутов.

3.3. Таким образом, существует ряд факторов, позволяющих говорить о пересечении двух систем социального поведения. В этом контексте чрезвычайно важным представляется свидетельство Е. С. Коваленковой, в котором мы, как кажется, прочитываем характерное отношение литераторов друг к другу:

«Оказалось, что компания ленинградцев — Стенич, Дикий... — решила меня оберегать от обэриутов и трепалась <...> Это они могли. А что Введенский вел козу по Невскому — не знаю, может, и было. Может, пьяный был. Там у них, например, Давид Гутман, известный режиссер, сидел на Невском со шляпой, разыгрывая нищего. Стенич, когда гробы Гоголя, Вяземского переносили на Новодевичье кладбище, умудрился украсть ребро Гоголя... Но Стенич, по-моему, был нехороший человек. Был у него роман с женой Дикого, а их маленькая собачка всегда на него кидалась. Так он эту собачку выкинул из окна с высокого этажа на улице Горького <...> Как они относились к обэриутам, вся эта компания — Катаев, Стенич, Олеша?.. Они больше любили поговорить о себе. Но, по-моему, была у них по отношению к обэриутам какая-то ирония. Воспринимали их просто как детских писателей»⁸⁰.

Свидетельство Е. С. Коваленковой очень важно по двум причинам: во-первых, оно написано человеком, в большей степени симпатизирующим обэриутам, и поэтому в ее отношении к Стеничу мы можем с осторожностью угадывать отношение к нему Хармса и Введенского. Во-вторых, в процитированном фрагменте отражается ряд слухов и мифов литературной жизни того времени. Выше мы писали о сатирической направленности истории с бедром Гоголя. Литературный мир, как мы видим, воспринял ее совершенно по-другому. Историю с собачкой мы прокомментировать не беремся, однако не исключаем, что это еще один литературный миф о Стениче.

3.4. Думается, что обоюдная ирония и неприязнь объясняется тем, что литераторы — при всем их различии — эксплуатировали один и тот же тип литературного поведения. Разумеется, при детальном рассмотрении в анализируемых типах можно найти много различий, однако при общем взгляде с позиций обычного для советского времени поведения их манеры неизбежно сближались. Иными словами, оказывалось, что они играют на одном поле. Отсюда, с нашей точки зрения, и растет обоюдная неприязнь.

⁷⁹ Цит. по: *Вахитова Т. М.* Указ. соч. С. 179.

⁸⁰ *Введенский А.* Указ. соч. С. 402.

3.4.1. Для обэриутов, вероятно, Стенич был слишком политичен и прагматичен в своих выходках. Их легко можно было не относить к проявлениям искусства бытового поведения, столь важного, например, для Хармса. Более того, поскольку Стенич достаточно много времени проводил в писательской среде, обэриутам он мог казаться человеком, находящимся в плоскости официальной жизни. Об этом свидетельствует, например, один из известных анекдотов Хармса о советских писателях (мы приведем лишь половину): «Ольга Форш подошла к Алексею Толстому и что-то сделала. Алексей Толстой тоже что-то сделал. Тут Константин Федин и Валентин Стенич выскочили на двор и принялись разыскивать подходящий камень. Камень они не наши, но нашли лопату. Этой лопатой Константин Федин съездил Ольгу Форш по морде...»⁸¹. В анекдоте, по-видимому, отразилось общение Стенича с Фединым (именно Федин расскажет Р. Гулю ряд эпизодов из жизни нашего героя). Парадоксальным образом, литератор, по-видимому, не питал особых симпатий к А. Толстому и, как мы помним, сочинил пародию на его роман. В этой связи весьма характерен эпизод, приведенный мемуаристом. Он, к сожалению, скорее всего, является очередной легендой, но, возможно, эта легенда отражает реальность. «За бесшабашную болтовню Стенича вызвали в “большой дом” на Литейном. Там строгий чекист стал делать ему внушение: — Валентин Осипович, у нас есть сведения, что вы придумываете и распространяете антисоветские анекдоты. — Ну какой, например, анекдот я, по вашим сведениям, сочинил? — осведомился Стенич. — Например, такой — сказал чекист. — Советская власть в Ленинграде пала, город в руках белых. По этому случаю на дворцовой площади происходит парад. Впереди на белом коне едет белый генерал. И вдруг, нарушая всю торжественность момента, наперерез процессии бросается писатель Алексей Толстой. Он обнимает морду коня и, рыдая, говорит: “Ваше превосходительство, что тут без вас было...” Стенич посмеялся и сказал: — Это придумал не я. Но это так хорошо, что можете записать на меня»⁸² (нетрудно заметить, что последний анекдот отличается от хармсовского своей политичностью; это различие подтверждает наши соображения).

3.4.2. Стеничу, в свою очередь, поступки обэриутов могли казаться бессмысленным чудачеством, граничащим с сумасшествием.

3.5. Наконец, важно помнить следующее. Обэриуты, при всем своеобразии их поведения, жили активной творческой жизнью. Даже несмотря на то, что их не печатали, у них получалось создавать литературу. Стенич же мечтал быть поэтом, пробовал писать прозу, но у него ничего не вышло. Неправильно было бы связывать это именно с типом поведения, однако не исключено, что ирония литератора по отношению к обэриутам, о которой

⁸¹ Цит. по: *Мейлах М.* Указ. соч. С. 415.

⁸² *Ардов М.* Указ. соч.

пишет Е. С. Коваленкова, — результат своего рода зависти к тому, что у них получалось писать в эти годы. Впрочем, не исключено, что их литературную продукцию Стенич воспринимал как несерьезную и несущественную.

§III. ТЕКСТЫ

В этом разделе мы помещаем некоторые материалы, связанные со Стеничем. Это воспоминания о нем Екатерины Лившиц, прочитанные на вечере памяти литератора, состоявшемся в 80-х годы (не ранее 1985 г.), и некоторые его стихи. Воспоминания Е. К. Лившиц впервые были напечатаны Т. М. Вахитовой⁸³, но не в полном виде. Во-первых, они были разбиты на несколько фрагментов и цитаты из них перемежались со вставками исследователя, во-вторых, что более существенно, в мемуарах был сделан ряд купюр. Несмотря на то, что эти купюры в целом незначительны и немногочисленны, как минимум в одном случае читатель лишился очень важного для понимания личности Стенича эпизода (о том, как наш герой помогал разбирать подвал Госиздата). Текст публикуется по рукописи: РО РНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 9. Л. 1–4; пунктуация дается по современным нормам, сокращения раскрываются в угловых скобках. Конец документа не публикуется, так как после Л. 4 Лившиц цитирует стихи, которые мы далее приводим по другим источникам.

Поэзия Стенича из этого раздела в основном опубликована. Несколько ранних стихотворений мы приводим по публикации Л. Ф. Кациса⁸⁴. Киевские стихи — *Мы никогда не позабудем...* и *Наркомвоен отрывисто чеканит...* приводятся по изд.: *СОПО*. Первый сборник стихов. РСФСР. Первый год первого века. [М., 1921]. С. 24–25. Второе из указанных стихотворений было недавно перепечатано Р. Д. Тименчиком⁸⁵. Другое стихотворение тех лет — *Когда заснет усталый город...* (то самое, о котором пишет Е. К. Лившиц в своих воспоминаниях) публикуется впервые по: РО ИРЛИ (ПД). Ф. 809. Ед. хр. 104. Л. 2–2об. Наконец, шуточная поэма *Москва в те дни была Элладой*, написанная Стеничем совместно с Ю. Олешей и посвященная Первому съезду писателей, публикуется нами по: «Литературный Ленинград». 1934. 8 октября. С. 4.

Шуточную поэму мы снабдили развернутыми комментариями. Вероятно, это несколько затруднит ее чтение, однако некоторые аллюзии без отсылок к речам участников съезда иначе не понятны. Комментариями снабжены также воспоминания о Стениче и отдельные стихотворения.

⁸³ Вахитова Т. М. Указ. соч. С. 165–167.

⁸⁴ В. Стенич: стихи «русского дэнди» / Публ., вступ. ст. Л. Ф. Кациса // Литературное обозрение. 1996. № 5/6.

⁸⁵ Тименчик Р. Д. Указ. соч. С. 55–56. Станным образом приведенный им текст имеет разночтения со стихами, помещенными в *СОПО* (хотя именно на эту книгу ссылается исследователь).

Е. К. Лившиц

[В. О. СТЕНИЧ]

*Воспоминания, прочитанные на вечере,
посвященном В. О. Стеничу*

Прежде чем увидеть В<алентина> О<сиповича> Стенича, я услышала о нем от Бенедикт<а> Лившица. Он рассказывал, что в <19>19 году в Киеве в ХЛАМЕ — сокращенное название клуба художников, литератор<ов>, артистов и музыкантов, появился Стенич. Он только что отвоевал, ходил в военной шинели и даже с винтовкой, украшенной красным бантом. Уже тогда он бредил литературой, прекрасно знал поэзию и хотел быть поэтом. Он и сам писал стихи. Они почти не сохранились, но содержание одного из них я помню. Разгар гражд<анской> войны, Киев, Софийская площадь. У памятника Богдана Хмельницкого и с его участием идет ночной военный совет военачальников, которые сами уже давно превратились в памятники. Кажется, присутствуют и Суворов, и Кутузов, чуть ли не Наполеон⁸⁶.

Сама я помню Вал<ентина> Ос<иповича> с <19>24 года. НЭП. Внезапно, очень быстро расцветший Невский. Появились вывески с золотыми буквами, сияющие витрины, а на витринах — фламандские натюрморты. Появились забытые имена <—> фирмы Дегурма, Доминик, даже лихачи появились с роскошными рысаками.

Бывшие дамы, утратившие свои доходы, но еще не расставшиеся со своими домработницами, вернее кухарками, чтобы поддержать свой бюджет стали давать домашние обеды. Для холостяков, для одиноких людей это был просто клад, прекрасный выход из положения.

И вот одна моя знакомая, вдова генерала, жившая со своей дочерью и ее мужем, который тогда занимал очень скромное положение, кажется, счетовода, чтобы поддержать семью, подкормиться самим тоже решила давать обеды. Мой муж в это время заменял Горлина, тогдашнего заведующего иностр<анным> отделом Госиздата⁸⁷. В доме Зингера, который тогда, может быть, с легкой руки Вал<ентина> Осип<овича> называли Notre Dame de Госиздат, жизнь была ключом. Поэты, писатели, детские писатели, переводчики, все были связаны с этим зданием. На площадках постоянно происходили неожиданные и специально назначенные встречи, стихийно организовывались какие-то группы. Когда там появлялся Стенич, он привлекал всеобщее внимание. Все ждали от него чего-то необычайного, особенно словечек, остроумия, даже просто трепотни. И он их ожидания сполна оправдывал. Когда он узнал,

⁸⁶ Речь идет о стихотворении «Когда заснет усталый город...». См. ниже.

⁸⁷ А. Н. Горлин (1878–1938) — переводчик. Вместе с Лившицем и Мандельштамом был редактором Собрания сочинений В. Скотта в 14 тт. (М.-Л., 1928–1929). Б. Лившиц был заместителем зав. отдела иностранной литературы Госиздата до июня 1924 г. (РГАЛИ. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 369. Л. 29).

что мы обедаем у этих знакомых, он присоединился к нам, и еще несколько человек. Был Азов⁸⁸, бывший сатириконец, Миклашевский⁸⁹ — актер, режиссер, он написал книгу «Гипертрофия искусства»⁹⁰ и Давыдов⁹¹, тоже сотрудник Госиздата. Он вместе с переводчицей Брошниковской где-то раскопал дневник Анны Вырубовой и даже опубликовал первую часть, а окончание не было напечатано, т. к. оно оказалось недостоверным⁹². Хозяйка предъявила нам одно твердое условие. Обедать всем одновременно, за общим семейным столом. Само собой разумеется, что разговоры были преимущественно профессиональные <зачеркнутый var.: литературные>. Как вел себя Стенич? Каким он себя показывал? Никаких вольностей, никаких двусмысленностей, в меру острил, в меру шутил, в меру кокетничал с молодой хозяйкой. Словом, идеально воспитанный молодой человек.

Помню я его и другим: наводнение <19>24 года⁹³. Телефон молчит, водопровод не работает. И все-таки обед состоялся, а после обеда мы с Вал<ентином> Осип<овичем> направились на Невский, но мы дошли только до Аничкова моста. На его горбу сиротливо жались друг к другу озябшие машины и трамваи. Невский был под водой. Стенич был необычайно возбужден. Он все время декламировал, он читал «Медного всадника», которого, конечно, знал наизусть, он весь был там, позади, сто лет тому назад.

Уже на следующий день злые языки братьев писателей рассказывали, что Стенич уселся на льва — тщедушного, захудалого льва, украшавшего вход в кондитерскую Лора, и оттуда грозил Петру:

«Ужо тебе!»⁹⁴

На следующий день, когда вода схлынула, мы с мужем снова пошли в центр. В доме Зингера все двери были настежь, кипела работа, сотрудники таскали снизу вверх и сверху вниз книги. Подвалы были залиты, спасали наиболее ценные издания.

⁸⁸ Вл. А. Ашкенази (псевд. — Вл. Азов; 1873–1941?) — сатирик. В «Сатириконе» сотрудничал с 1910 г. После октябрьской революции работал во «Всемирной литературе», где переводил английских писателей. В 1926 г. эмигрировал во Францию.

⁸⁹ К. М. Миклашевский (1886–1944) — актер, режиссер, театровед, драматург. С 1924 г. в эмиграции. Автор комедии *Четыре сердца*, шедшей в 1919 г. в Киеве и в Петрограде (пост. С. Радлова).

⁹⁰ *Миклашевский К. М. Гипертрофия искусства*. Пг.: Academia, 1924.

⁹¹ По-видимому, речь идет о З. С. Давыдове (1892–1957) — авторе исторических повестей и романов. Однако он не издавал дневника А. Вырубовой. См. след. примеч.

⁹² О. Н. Брошниковская — переводчица, ученица М. Л. Лозинского. В 1928 г. в сборнике *Минувшие годы* она была указана вместе с Д. Захаровым как публикатор дневника Анны Вырубовой. Дневник оказался подделкой. См. об этом в: *Чуковский К. Дневник. 1901–1929*. М., 1991. С. 441.

⁹³ Очень сильное наводнение было 23 сент. 1924 г.

⁹⁴ Слова Евгения из *Медного всадника* А.С. Пушкина, обращенные к памятнику Петра.

По Невскому идти было нелегко: всплыли торцы и загромоздили и мостовые, и тротуары.

А на улице, у входа в здание Госиздата наш милый, элегантный, даже франтоватый Стенич, засучив рукава, в поте лица, не жалея сил перетаскивал торцовые шашки и складывал их в ровные шпалеры, чтобы очистить тротуар.

Стенич мог гневаться, возмущаться, мог быть циничным, не говоря уже о том, что для острого словца он ни отца, ни самого себя не жалел. Но были ему суждены и благие порывы. Я помню, как он набросился на одного человека, позволившего себе какую-то двусмысленную шутку по отношению одной очень достойной уважения женщины. С какой яростью защищал он ее честь!

Вот каким разным я его видела. Поэзией он был одержим. И очень хотел быть поэтом⁹⁵. Он был слишком требователен к себе, слишком хорошо знал, что такое хорошие стихи, старых стеснялся, новые не писались.

Боюсь, что сослужу ему плохую службу, если прочту те три стихотворения, которые удалось найти. Но друзья посоветовали все же прочесть их Вам. Прошу извинения, я очень люблю стихи, но читаю их плохо.

В. О. Стенич

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Символы, фразы, рифмы, сплетенья строф,
старые идолы, новые фетиши,
когда-то впились в мозг ядовито и остро...
Теперь ты навеки проклятьем отметишь их.

Написал письмо кому-нибудь милому и родному —
кровавый вопль из слов сковал.
И вдруг заволнуется ума неумный омут —
«Это ты читал у Маяковского».

Всю тоску и любовь сплетишь в щемящем слове,
целуя любимый, ласковый локон.
Кто-то злой и хитрый безжалостно словит —
«Это? ... Это взято у Блока».

⁹⁵ В рукописи далее следует зачеркнутый текст: «боюсь, что сослужила ему плохую службу. Он стыдился своих старых стихов, а новые не писались. Он был слишком требователен к себе. Слишком хорошо знал, что такое хорошие стихи. И все же друзья посоветовали мне их прочесть. Прошу извинения, я стихи люблю, но вслух читать их не умею» (РО РНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 9. Л. 4).

Отдавшись святейшей весенней истоме,
 зачарованный и смутный стоишь на лугу.
 «Ты не забыл? Ты помнишь? В таком-то томе
 об этом писал Сологуб».

Пожалейте! Уйдите! Где ты, жизнь своя и простая?
 Куда уйти от кошмара проклятого?!
 То же самое писала в «Белой стае»
 Анна Андреевна Ахматова.

* * *

Фонари-монахи читают монотонно
 панихиду над трупом столицы.
 Из глаз луны — мертвой Мадонны —
 слезы дождя не устанут литься.
 Я иду — пилигрим неустанный —
 Бессонным путем Греха и Чуда....
 Скоро ли прозвенит моя Осанна?
 Где я тяжкую радость креста плечу дам?
 В кого я верю — в Иуду, в Христа ли?
 Кому поцелуя ладан сыновий?..
 О как сладко мои колени устали...
 Как блаженно лобзает терновник...
 О панель — веселая Голгофа!
 Я говорю о боли *urbi et orbi*.
 Господи, Господи, эти деланные строфы
 Полны неподдельной скорби.

Сентябрь 1917

* * *

Вечером приходит с чопорным визитом
 старый и больной Великий Инквизитор.
 Отдает поклон с простой и важной миной,
 придвигает кресло к сонному камину.
 Складывает пальцы с бледными ногтями
 и сигару черную в молчаньи тянет.
 Предлагаю посетителю чаю —
 он не хочет, строгой головой качает,
 и заводит речь в старинных оборотах,
 что сегодня очень скверная погода,
 что замок французский на двери непрочен,
 о политике, о модах и о прочем.

Молча внемлю я его рассказам плавным,
 Почему же он молчит о самом главном?
 Почему молчит он о другом, проклятом —
 о моей душе, пронзенной странным ядом,
 О слезах, бесплодных, как осенний ветер.
 Иль действительно важней всего на свете —
 скверная погода, и страшней страданий
 шляпка модная на проходящей даме?
 Вспомнив, что теперь трамваи ходят редко,
 в полночь он посмотрит на часы-браслетку
 и уйдет, оставя еле слышный арум
 Chevalier d'Orsay и дорогой сигары.
 Вечером приходит с чопорным визитом
 старый и сухой Великий Инквизитор.

* * * ⁹⁶

Мы никогда не позабудем
 веков отряхивая пыль,
 дарованную ныне людям
 великолепнейшую быль.
 Идет июльскими ночами,
 «могуч и радостен»⁹⁷, как встарь,
 в венце и тоге за плечами,
 вдоль Невки Медный Государь.
 Металлом царственных велений
 отрывки слов звучат в тиши:
 Мой вскормленник, Владимир Ленин,
 великий подвиг заверши;
 Восстания огонь угрюмый
 бросай в октябрьскую метель!..
 Мои антихристовы думы
 свершить — уделом не тебе ль?..

⁹⁶ В рукописном автографе стихотворение называется *Петр*. Там же стоит дата (вероятно, дата записи) — 15 июля 1919 г. Имеются разночтения; существенное в 8-й строке: «вдоль Невки исполинский царь» (РО ИРЛИ. Ф. 809. Ед. хр. 104. Л.1). Стихотворение строится на мотиве ожившей статуи, ключевым претекстом является *Медный всадник* — одно из самых любимых произведений Стенича.

⁹⁷ Цитата из *Полтавы* Пушкина: «И он промчался пред полками, / Могуч и радостен, как бой».

Ну, где же ты? Скорей! Не мешкай
завещанный переворот...
И сардонической усмешкой
неправильный кривится рот.

* * *

Наркомвоен отрывисто чеканит
Главе правительства сухой вопрос,
И у широкого окна очками
Поблескивает строгий Наркомпрос.

Каким-то нереальным фейерверком
Разбрасываются обрывки фраз:
«Товарищ! назначенье Главковерхом
Вам принесет сегодняшний приказ...

Волнения рабочих в Вашингтоне!..
Восстанием охвачен Будапешт!..»
И взор усталый машинистки тонет
Под грудой зашифрованных депеш.

Наркомфинансов с Наркоминотделом
Беседуют о пониженьи цен.
И странно-чужд в дворцовом зале белом
Нерусский председателя акцент.

О эти люди, твердые как камень,
Зажженные сигнальные огни!
Их будут чтить веками и веками,
И говорить о них страницы книг.

И летописец пламенной свободы
Восстановит восторженным пером
Закуривающего Наркомпрода
И на столе у Наркомзема бром.

* * *⁹⁸

Когда заснет усталый город
и сырость встанет от реки,

⁹⁸ Это то самое стихотворение, о котором вспоминала Е. К. Лившиц. В нем фигурирует целый ряд известных военных деятелей: Эжен Боарне (Богарне; 1781–1824) — вице-король Италии, дивизионный генерал; пасынок Наполеона. С. В. Петлюра (1879–1926) — украинский политический и военный деятель, глава Директории Украинской Народной Республики; в 1918 г. его войска заняли Киев. Г. Л. фон Блюхер (1742–1819) — прусский фельдмаршал, участник ряда наполеоновский фойн, командующий прусскими войсками против вернувшегося Наполеона. И. И. Вацетис (1873–1938) — российский, советский военачальник. А. В. Колчак (1874–1920) — российский политический

сойдясь у старого собора,
ведут внимательные споры
столетних боен знатоки.

Принц Боарнэ молчит понуро,
разбрасывая шпагой сор.
О диспозициях Петлюры
течет медлительный и хмурый,
слегка бессвязный разговор.

Стучит по мостовой бесстрастной
кривая Блюхера клюка:
«Вацетис сделал ход прекрасный
во фланг ударив Колчака».

«Но флот... В преддверии Херсона
на рейде крейсера стоят» <—>
бормочет Нельсон монотонно<,>
в Макарова вперяя взгляд.

Осенний ветер в трубах воеет,
полночный сумрак все темней,
рыжеволосой головою
качает старый маршал Ней:

«Да, Гверильясы были лучше,
чем ваш Григорьев и Махно...
Капрал, ты помнишь Санта-Круче
— сто с лишним лет — не так давно».

И вот уже к трамвайным рельсам
глухая никнет тишина,
но все ведет упрямый Нельсон
спор с горбоносым Массена.

17 июля 1919 г.

деятель, предводитель Белого движения. Горацио Нельсон (1758–1805) — английский вице-адмирал; погиб в Трафальгарском морском сражении с франко-испанским флотом. С. О. Макаров (1849–1904) — русский военный морской деятель, океанограф, вице-адмирал; погиб на броненосце «Петропавловск», защищая Порт-Артур. М. Ней (1769–1815) — маршал Франции времен Наполеоновских войн. Н. И. Махно (1888–1934) — анархист, видный участник гражданской войны. Н. А. Григорьев (1885–1919) — украинский партизан, атаман УНР, затем командир дивизии Красной армии, поднявший антибольшевистский мятеж. Махно и Григорьев сравниваются в стихотворении с Гверильясами — испанскими народными партизанами, получившими известность во время войны с Наполеоном. А. Массена (1758–1817) — военачальник империи Наполеона, маршал Франции.

Юрий Олеша,
Валентин Стенич

МОСКВА В ТЕ ДНИ БЫЛА ЭЛЛАДОЙ

Шуточная поэма

Средь мрамора, в Колонном зале
Пятнадцать дней мы заседали,
Шумел, гудел наш первый съезд,
И среди торжественных оваций
Нам представители всех наций
Здесь вести приносили с мест⁹⁹.
Авары, тюрки и казаки,
Буряты и каракалпаки —
Друзья пустыне и тайге¹⁰⁰, —
Афиногены, пастернаки¹⁰¹,
Здесь все на дружеской ноге
С самым последним удегэ¹⁰².
Широко растворялись двери,
Хватало места всем вполне.
Кто на трибуне, кто в партере,
А кто и просто на стене!
Так, например, всех огороша
Нам факт явился как во сне —
На кафедре Толстой Алеша,
Толстой же Лева — на стене¹⁰³.

⁹⁹ Первый съезд советских писателей состоялся в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 г. Помимо писателей Москвы и Ленинграда, на съезде присутствовало множество литераторов из самых разных республик.

¹⁰⁰ Вероятно, аллюзия на *Памятник* Пушкина: «...и друг степей калмык».

¹⁰¹ Имеются в виду: А. Н. Афиногенов (1904–1941) — делегат от Москвы, драматург, и Б. Л. Пастернак (1890–1960) — поэт. Пастернак был очень важной фигурой съезда, и с ним связан целый ряд споров писателей о советской поэзии. См. подробнее: *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб., 2005. С. 253–312.

¹⁰² В контексте Первого съезда у этого выражения могут возникать смысловые коннотации с известными словами Хлестакова из *Ревизора*: «Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: “Ну что, брат Пушкин?” — “Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то все...” Большой оригинал». В строках обыгрывается также название романа Фадеева — *Последний из Удегэ* (Ч. 1–4, 1929–1940).

¹⁰³ А. Н. Толстой (1882/1883–1945) — прозаик, делегат от Москвы. Сравнение с Толстым, возможно, основано не только на фамилии и потому напрашивающемся сопоставлении имен (ср. кличку для писателя «красный граф»), но и на том, что А. Толстой писал эпический роман о Петре I. Как известно, подобный замысел был и у Л. Толстого. См. в этой связи более очевидный случай в след. примеч.

Но величаво, в блеске зала
 Стена бессмертная молчала,
 Лишь кое-кто из-под седин
 На стихший зал глядел сурово.
 На Ильфа хмурился Щедрин
 И Салтыков — на Е. Петрова¹⁰⁴.
 Иль, дав еще один плачевный,
 Но поучительный пример,
 Хоть и слепой, но очень гневный,
 Смотрел на Жарова Гомер¹⁰⁵.
 Пора, уже взлохмачен, потен,
 Вбежал в президиум Кирпотин¹⁰⁶,
 Уже всплывает точно морж
 В зал заседаний Ольга Форш¹⁰⁷,
 Уже Демьян в углу сидит,
 Взволнован чем-то, ловит слухи,
 С соседом тихо говорит
 И ковыряет бивнем в ухе¹⁰⁸.

¹⁰⁴ Е. П. Петров (Катаев; 1903–1942) — прозаик, делегат от Москвы. И. Ильф (Файн-зильберг; 1897–1937) — прозаик, делегат от Москвы. Сравнение авторов *Двенадцати стульев* с Щедриным, вероятно, вызвано не только сатирической направленностью их творчества, но и тем, что они вместе являются как бы сатирическим писателем с двойной фамилией.

¹⁰⁵ А. А. Жаров (1904–1984) — поэт, делегат от Москвы. Ученик Брюсова. Автор песни *Взвейтесь кострами, синие ночи...* и популярной в советское время поэмы *Гармонь*. Возможно, в этих строках, где Жаров иронично сопоставляется с Гомером, отразились следующие фразы речи литературного деятеля: «Жизнь требует поэзии героической, и мне кажется, товарищи, что послеоктябрьская советская поэзия — в основном росла и развивалась, отвечая на это законное требование жизни. <...> За высокую поэзию! За понятную поэзию! За поэзию, достойную ленинско-сталинского времени, за героическую и лирико-героическую поэзию миллионов...» (Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., 1934. С. 537, 539. Далее — ПВСП, с указ. стр.).

¹⁰⁶ В. Я. Кирпотин (1898–1997) — делегат от Москвы, критик, публицист, литературовед. Известен своими конформистскими работами (*Наследие Пушкина и коммунизм*; 1937 г.).

¹⁰⁷ О. Д. Форш (1873–1961) — прозаик, делегат от Москвы.

¹⁰⁸ Демьян Бедный (Е. А. Придворов; 1883–1945) — известный советский литературный деятель, делегат от Москвы. Ироничные строки восходят к произнесенной литератором речи в свою защиту от выпадов Бухарина: «По совести говоря, я и сам, слушая лирических соловьев, неоспоримых, традиционно-признанных поэтов, понимаю, что я не этой, не птичьей породы. У лириков — соловьиные языки. А я принадлежу к породе крепкозубых. Я к тому же сатирик. У меня бивни. И этими бивнями я служил революции 25 лет <аплодисменты>. Верно: не молодые бивни. Старые. С надломами и почетными зазубринами, полученными в боях. Но бивни эти, смею вас уверить, еще крепкие, может быть в известном смысле еще крепче, чем прежде. Искусство вла-

И сам не веря — «как же так?
 Как я попал в собрание это?» —
 Шаманит пылкий Пастернак¹⁰⁹,
 И шагинянит Мариэтта¹¹⁰.
 Там — севастопольский герой —
 Сидит Малышкин, сам не свой¹¹¹,
 Там Эренбурга дух гонимый¹¹²,
 И поднятый со дна Цусимы
 Эпроном Новиков-Прибой...¹¹³
 И вдруг — весь зал мгновенно замер,
 И вдруг — рукоплесканий гром,
 Скрестились взоры фотокамер
 На появившимся, на нем.
 А он, в невероятном свете
 Ликующих прожекторов,
 Отмахивается от этих
 Эпитетов, юпитеров,
 От почестей, от восхвалений,
 Как буря плещущих опять,
 Рукой, которую жал Ленин,
 Рукою, написавшей «Мать»!¹¹⁴
 О, первый съезд! Какие встречи!
 Каких людей, какой союз!
 Грузина пламенные речи,
 И белоруса сивый ус,
 Украйны в крестиках рубашки

деть ими приобретено не малое, и я не перестаю их подтачивать. Они должны быть в готовности. Придет грозовой момент — и враг еще раз почувствует силу этих бивней <продолжительные бурные аплодисменты>» (ПВСП. С. 559).

¹⁰⁹ Возможно, в этой строке отразилась прозвучавшая в речи Пастернака игра понятиями. Так, поэт утверждал, что поэзия — это проза, «чистая проза в ее переводной напряженности» (ПВСП. С. 549).

¹¹⁰ М. С. Шагинян (1888–1982) — поэт, прозаик, делегат от Москвы. Ее речь была посвящена языку, проблемам композиции и теме любви в литературе братских национальностей (См.: ПВСП. С. 206–209).

¹¹¹ А. Г. Малышкин (1892–1938) — прозаик, делегат от Москвы. Анафорический зачин этих двух и следующих трех строк («Там...»), возможно, отсылает к вступлению поэмы Пушкина *Руслан и Людмила*. См. также прим. 118.

¹¹² И. Г. Эренбург (1891–1967) — прозаик, поэт, переводчик, критик; делегат от Москвы. Долгое время жил за границей.

¹¹³ А. С. Новиков-Прибой (Новиков; 1877–1944) — прозаик, делегат от Москвы. Участник русско-японской войны. Автор исторического романа *Цусима*. ЭПРОН — Экспедиция подводных работ особого назначения, специальная организация для подъема затонувших судов и проведения аварийно-спасательных работ.

¹¹⁴ Речь идет о А. М. Горьком (1868–1936).

Узбека узкая рука,
 И Безыменского подтяжки¹¹⁵,
 И бакенбарды Радека¹¹⁶,
 И цель для многих фотографий,
 Рекорд неслыханной красоты,
 На Оскаре-Марии Графе¹¹⁷
 Невероятные трусы!¹¹⁸
 Все зданье крики оглашают,
 Толпа стоит, раскрывши рот, —
 Трусы Марию украшают,
 Но Оскара... наоборот!
 Там Лев Никулин славой бредит¹¹⁹,
 Шныряют слухи там и тут —
 Кого-то ждут, кого-то ждут...
 Сегодня вечером приедет...
 И Луговской¹²⁰, как ягуар,
 Идет бесшумно в кулуар.
 А там стоит толпа большая,
 И се, долину оглашая,
 Далече грянуло ура —
 Полки увидели Мальра¹²¹.

¹¹⁵ А. И. Безыменский (1898–1973) — поэт, делегат от Москвы.

¹¹⁶ К. Б. Радек (1885–1939) — политический деятель, выступавший со статьями о театре, кино, литературе; делегат от Москвы с совещательным голосом.

¹¹⁷ Оскар Мария Граф (1894–1967) — немецкий прозаик, активный участник революционного движения.

¹¹⁸ Ср.: «В тридцатые годы на конгресс Союза писателей в Москву был приглашен баварец Оскар Мария Граф. После длительного путешествия в поезде он был рад наконец расположиться в Москве в удобной гостинице. Он переоделся к обеду и, ничего не подозревая, появился в обеденном зале в коротких баварских брюках. И был очень удивлен, что привлекает всеобщее внимание. Когда же он пришел в таком виде на первое заседание конгресса, члены президиума сразу же демонстративно покинули свои места, а некоторые делегаты потребовали его немедленного удаления из зала. Всех успокоить и примирить смог только председатель конгресса Максим Горький, который, много путешествуя, имел возможность познакомиться с особенностями западноевропейской моды» (*Вернер Альбринг. Городомля: немецкие исследователи ракет в России.* / Пер. с нем. И. П. Суслиной. СПб., 2005. С. 118).

¹¹⁹ Л. В. Никулин (1891–1967) — прозаик, делегат от Москвы. См. также прим. 111.

¹²⁰ В. А. Луговской (1901–1957) — поэт, в 20-е гг. примыкал к конструктивистам; делегат от Москвы.

¹²¹ Андре Мальро (1901–1971) — французский прозаик. До 1934 г. написал романы *Завоеватели* (1928) и *Условия человеческого существования* (1933), посвященные китайской революции. По правилам русского языка фамилия не склоняется; изменение ее окончания приводит к комическому эффекту. Эти слова — обыгрывание строк из *Полтавы* Пушкина: «Далече грянуло ура: / Полки увидели Петра».

Его мы все отлично знаем,
 Но как тут к слову не сказать.
 Его мы очень почитаем,
 Но не успели... почитать!¹²²
 И как «Аврора» ночью невской
 Ходила к сумрачным мостам,
 Так входит Всеволод Вишневский¹²³,
 Грозя бесчисленным врагам,
 Глазами водит еле-еле,
 Волочит ноги чуть дыша...
 Откуда, братцы, в жирном теле
 Такая нежная душа?¹²⁴
 Ништо, моряк, терпи, не бойсь,
 Как говорил когда-то Джойс!
 О, первый съезд! Тебе Карл Радек
 Доклад блистательный прочел,
 В Европе он навел порядок
 И в беспорядок зал привел.
 Он с кафедры как строгий дядя,
 Одних хвалил, других корил,
 А третьих безусловно «крыл»,
 Поверх очков сурово глядя,
 И — извините — в зад ногой-с
 Был изгнан непристойный Джойс!¹²⁵

¹²² См. характерный эпизод из речи Никулина: «В докладе т. Радека, построенном как политический доклад, почти ничего не говорилось о художественной ценности зарубежной литературы. <...> Мы знаем, какое огромное влияние имел на литературную молодежь Дос Пассос, и книга Селина <...>, и Мальро, который к сожалению не полностью переведен у нас. Радек: ни одна книга не переведена» (ПВСП. С. 330).

¹²³ В. В. Вишневский (1900–1952) — драматург, делегат от Москвы. Тенденциозный литературный деятель, примыкавший к РАППу и участвовавший во всех погромных газетных кампаниях против писателей, иногда являясь их организатором.

¹²⁴ Ироническое упоминание о «нежной душе» Вишневого вызвано, вероятно, его словами на съезде, обращенными к одному из авторов поэмы (особенно здесь важно начало фразы): «Друг мой Олеша и все идущие за ним (потому что Олеша — лучший художник, и обязательно за такими, как он, пойдут и начнут подражать), вы пишете о хрустале, о любви, о нежности и прочем. Но при этом всегда должны мы держать в исправности хороший револьвер и хорошо знать тот приписной пункт, куда надлежит явиться в случае необходимости» (ПВСП. С. 285).

¹²⁵ В обширном докладе К. Радека упоминалось много писателей. Докладчика интересовала реакция писателей на мировую войну. Приведем несколько цитат из его речи (ПВСП. С. 291–318). «Только 2 писателя с мировым именем оказались в это время против войны. Это Максим Горький <...> и наш старейший друг — Андерсен Нексе. И это, понятно, было неслучайно, ибо они были представителями рабочего класса». «Герою Ремарка даже в голову не приходит, что можно учить, как уничтожить общественный

Там сердцем чист и ликом светел
 Бухарин¹²⁶ реплики ловил,
 Демьяна Бедного заметил
 И в гроб сойти благословил¹²⁷.
 Но как он не старался рьяно,
 И как не плел доклада нить,
 Не смог он Бедного Демьяна
 Забвенья саваном покрыть¹²⁸.

Нам все равно — стихи иль проза,
 И мы не станем тратить слов,
 Но коль не Гейне наш Светлов¹²⁹,

строй, порождающий войну». «Мировая литература буржуазии выполнила свою задачу — поставщика пушечного мяса. <...> Она стала средством восхваления войны или усыпления боевой готовности пролетариата». Больше всего досталось в речи Радека двум писателям: Прусту и Джойсу (последнего переводил Стенич). «Начались поиски новой формы. <...Пруст> хочет дать психологию своих героев французских салонов... <...> У Пруста старый мир, как пес паршивый, не способный уже ни к какому действию, лежит на солнце и бесконечно облизывает свою паршу. <...> Салонные герои Пруста как бы говорят, что незачем их анализировать, что никаким анализом ничего из них не добудешь. <...> В чем основа Джойса? Основа его в убеждении, что нет ничего в жизни крупного — нет крупных событий, нет крупных людей, нет крупных идей, и писатель может дать картину жизни, именно взяв «любого героя в любой день» и пересняв его тщателью. Куча навоза, в которой копошатся черви, заснятая кинематографическим аппаратом через микроскоп, — вот Джойс» (ПВСП. С. 316). Эти слова Радека о Джойсе вызвали бурную реакцию и неоднократно всплывали в речах разных литераторов. В частности, Стенич переводил речь Виланда Герцфельде, который, признавая недостатки Джойса, говорил о том, что он серьезный писатель.

¹²⁶ Н. И. Бухарин (1888–1938) — советский политический деятель, делегат от Москвы с совещательным голосом.

¹²⁷ Ироническая переделка строк из *Евгения Онегина* (гл. 8, II): «Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил...». В своей речи Бухарин высказал несколько критических замечаний о Д. Бедном («Он берет новые темы, а все остальное остается почти старым. Поэтому он устареваает, а здесь лежит для него явная опасность». — ПВСП. С. 490). Однако, может быть, важнее, что политик рассматривал его литературную продукцию в контексте творчества уже умерших поэтов. Именно это вызвало возмущение Бедного.

¹²⁸ По-видимому, переделка строк из *Евгения Онегина* (гл. 1, VII): «Не мог он ямба от хорея, / Как мы ни бились, отличить...». В своем заключительном слове Бухарин (во многом, под влиянием речи Д. Бедного, который публично возмутился подразумеваемым сопоставлением с мертвыми поэтами) уже не критиковал Бедного и произнес благодушно-примирительный пассаж в его адрес.

¹²⁹ М. А. Светлов (1903–1964) — поэт, автор песни *Гренада*; делегат от Москвы. Генрих Гейне (1797–1856) — немецкий поэт, публицист, критик. Сравнение Светлова с Гейне восходит к речи Бухарина, который очень навязчиво разводил двух поэтов: «Светлов явно подражает Гейне, и в его ироническом, и в его романтическом аспекте. Это конеч-

То и докладчик не Спиноза!¹³⁰
 О, первый съезд! Пятнадцать суток
 Ты был сенсацией Москвы,
 Среди кулуарных стрел и шуток,
 Среди анекдотов и молвы
 Мы забывали повседневность,
 Сплетали музы нам венец,
 Мы уносились духом в древность,
 Где с мудрецом другой мудрец
 Беседовал под колоннадой,
 Где что ни слово — афоризм...
 Москва в те дни была Элладой,
 Помноженной на коммунизм!¹³¹

**VALENTIN OSIPOVICH STENICH — «RUSSIAN DANDY».
 SOME ASPECTS OF TYPOLOGY OF AVANT-GARDE BEHAVIOR.**

The paper is devoted to a rather well-known poet in Leningrad's literary circles, the translator and dandy V. O. Stenich (1897–1938), and it's divided into three parts: 1) Stenich's profile; 2) An analysis of his lifestyle; 3) An edition of some Stenich's poetry texts.

но отнюдь не резон, чтобы ставить М. Светлова на одну доску с “последним королем романтизма”, как делали некоторые неумеренно восторженные критики: он, как и многие наши поэты, еще провинциален, широта его умственных горизонтов и высота мастерства не идут ни в какое сравнение с аналогичными свойствами творца “книги песен”. <...> Конечно, Светлов очень хороший советский поэт, но можно ли его сравнивать с Гейне? Возьмите Гейне и взвесьте его на весах. Что он представляет собой в области философии? Возьмите его известные очерки по истории германской философии, которые создали ему огромную славу во Франции, возьмите его “Лютецию”, возьмите его гигантское знакомство с современной ему культурой <...> — какое гигантское богатство образов, тематики и прочее! И сравните с ним Светлова» (ПВСП. С. 492–493).

¹³⁰ Бенедикт Спиноза (1632–1677) — нидерландский философ. Вероятно, строка — иронический выпад в адрес Бухарина, который в своем докладе, ссылаясь на философа, привел весьма туманную мысль: «“Omnis determinatio est negatio” — “Всякое определение есть отрицание”, — говорил старик Спиноза. Отрицательное определение реализма есть то, что он — не идеализм, не мистика. Но это отрицательное определение есть в то же время и положительное его определение» (ПВСП. С. 500–501).

¹³¹ А. Блюмбаум обратил внимание, что последняя строка — реминисценция из стихотворения *Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому*: «...мы в новом, / грядущем быту, / помноженном // на электричество / и коммунизм» (Блюмбаум А. Оживающая статуя и воплощенная музыка: контексты «Строгого юноши» // НЛЮ. 2008. № 89. Примеч. 55. [<http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/bl10.htm>]). Эти строки, в свою очередь, восходят к известному высказыванию В. Ленина: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Above all, the second part is very important, since it concerns an in-depth investigation of Stenich's everyday manners as a dandy: the poet's personality is compared, on the one hand, with his predecessors (the Futurists) and their particular way of behaving; on the other hand, with Oberiuty's lifestyle in both social and literary contexts.

Oberiuty can be considered as the one who closed a period of "creation of life" according to avant-garde principles: we are dealing with a sort of incessant trend, which began in the 10s and ended in the 30s. From a typological point of view, Stenich's personality represents a "bridge" between two opposite poles, i. e. the Futurists and the Oberiuty; this idea can be demonstrated through a large amount of examples. I especially focused on a typology of lifestyle in the Russian literary context.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Такахашии ФУМИХИРО</i> . Одлике етичке мисли у модерном Јапану	5
<i>Киунобу ИНАЈАМА</i> . Покрет бесцерквености и процес модернизације у Јапану	14
<i>Татјана ЈОВОВИЋ</i> . Црногорско-јапански рат између мита и реалности.	19
<i>Тэцуо МОТИДЗУКИ</i> . Ненасилие как антимодернизм. Ганди об учении Толстого на фоне русско-јапонской войны 1905 г.	27
<i>Danijela VASIĆ</i> . The international motif of marriage proposal in Japanese literature.	41
<i>Тања ПОПОВИЋ</i> . Идеологеме „Кристалног дворца“ и „Златног храма“ код Ф. М. Достојевског и Ј. Мишима.	54
<i>Далибор КЛИЧКОВИЋ</i> . Неопходност «сувишности»: апотеоза «сувишног човека» у делима руских писаца и у стваралаштву јапанског писца Нацуме Сосекија	70
<i>Šinići SUZUKI</i> . «Povrtak selu» kao književni motiv tridesetih godina XX veka: Šimaki Kensaku i austrijski pisac Karl Hajnrih Vagerl	79
<i>Tanaka HIROJUKI</i> . Čovek-kutija i moderni Japan	87
<i>Павле ПАВЛОВИЧ</i> . Јапонская традиция в польском модернизме	93
<i>Shuhei HOSOKAWA</i> . A Glimpse at Japanese-Brazilian Literature.	100
<i>Ирина ДЗУЦОВА</i> . Бессмертные молодожены	112
<i>Хироко МАСУМОТО</i> . Кризис јазыка и невозможность коммуникации: Гофмансталь, Кафка, Дюрренматт	143
<i>Бојан ЧОЛАК</i> . Модернизација српске прозе: окретање од доминантног културног модела	150
<i>Јасмина ЈАНКОВИЧ</i> . Игорь Стравинский и его модернизм в начале XX века.	169
<i>Виктор НИЖЕЛЬСКОЙ</i> . Проблемы телесной выразительности в славянской и японской театральной практиках	181
<i>Куми ТАТЭОКА</i> . Взаимное влияние Театральных традиций России и Японии.	187
<i>Zoja VOJIC</i> . Tradition of Japonism in the oeuvre of Danila Vassilieff: the Australian years	194
<i>Елена КУСОВАЦ</i> . Понятие пустоты в московском концептуализме	211
<i>Keijiro SUGA</i> . The Sense of Nature in Poetry	223
<i>Војслав КАРАНОВИЋ</i> . Кратак запис о краткој песми.	228
<i>Аида СУЛЕЙМЕНОВА</i> . Модернизација традиционних жанров јапонской поэзии танка и хайку	231
<i>Синъити МУРАТА</i> . Остаточное изображение в художественном пространстве — јапонская поэзия и русская драма эпохи модернизма.	243
<i>Корнелия ИЧИН</i> . Јапонская гравюра и поэзия Анны Ахматовой.	253
<i>Jörg SCHULTE</i> . Russian Literature and the Hebrew Renaissance: Georgii Shengeli's <i>Evreiskie poëmy</i> (1919).	268
<i>Кајоко ЈАМАСАКИ</i> . Исидора Секулић и песме старог Јапана	287
<i>Валерий ГРЕЧКО</i> . Исход из јазыка: стратегии девербализации авангарда	300
<i>Павел УСПЕНСКИЙ</i> . Валентин Осипович Стенич — «русский денди». К типологии форм авангардного поведения	310

CIP – Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

821.521.09(082)

930.85(52)(082)

СВЕТЛОСТ са истока : јапанска култура и ми
= Свет с истока : јапонска култура и ми /
= Ex oriente lux : japanese culture and we /
[уредници Корнелија Ичин, Кајоко Јамасаки]. –
Београд : Филолошки факултет, 2014
(Севојно : Графичар). – 360 стр. : илустр.; 25 cm

Радови на срп., рус. и енгл. језику. – Тираж 300. –
Напомене и библиографске референце уз текст. –
Библиографија уз поједине радове.

ISBN 978-86-6153-113-2

1. Уп. ств. насл.

а) Јапанска књижевност – Зборници

б) Култура – Јапан – Зборници

COBISS.SR-ID 205388812